

Колдовские
МИРЫ

ОБЕЩАНИЯ НУЖНО ВЫПОЛНЯТЬ!

Анна Платунова

**ОБЕЩАННАЯ
КОЛДУНУ**

Анна Сергеевна Платунова

Обещанная колдуну

Серия «Колдовские миры»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64316742
Обещанная колдуну: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-117447-7*

Аннотация

Представьте, что недавно вам исполнилось восемнадцать лет. Еще неделю назад у вас было все: любящая семья, богатство, планы на жизнь. А утром за вами пришел колдун-изгой, мрачный тип, которого боятся и ненавидят. И заявил, что вы – первенец, обещанный ему еще до вашего рождения...

Это история о монстрах, что приходят под покровом тени, о страсти, которая вспыхивает, когда ее совсем не ждешь, о любимых, которые вонзают кинжал в самое сердце... И об истинных чувствах, которые так сложно распознать, даже если ты сильнейший маг, в прошлом бывший великим, а ныне – изгнанник, подлю преданный теми, кому служил всю жизнь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	63
Глава 11	69
Глава 12	77
Глава 13	83
Глава 14	93
Глава 15	99
Глава 16	107
Глава 17	112
Глава 18	118
Глава 19	127
Глава 20	135
Глава 21	142
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Анна Сергеевна Платунова

Обещанная колдуну

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Платунова А. С., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

Это не могло быть правдой! Это сон, всего лишь страшный сон, и сейчас я проснусь!

Моя босая нога наступила в холодную лужу, чулок мгновенно напитался влагой. Я никогда не выходила из дома босиком! Даже летом. Разве что когда я была совсем маленькой, нянечка разрешала мне пробежаться по зеленой травке на лужайке перед домом. А теперь, как бы я ни упиралась, как бы ни цеплялась за перила, рука скользила по дереву, отполированному прикосновениями десятков поколений моей семьи, а левая нога уже съехала с нижней ступени прямо в грязь.

– Мамочка! – снова закричала я. – Папуля!

А этот страшный человек продолжал настойчиво и молчаливо тянуть меня за собой, ухватив за локоть. Так, будто имел на это право. Так, словно я принадлежала ему. Он ничего не говорил после тех слов, которые произнес, когда появился на пороге моего дома.

– Агата, время пришло. Я забираю тебя, – так он сказал, схватил меня за руку и поволок на улицу.

На мне было легкое домашнее платье, совсем не подходящее для ветреной погоды ранней весны, и тонкие чулки. В первые секунды я подумала, что это шутка, придуманная моим братом Верном: он младше меня всего на год, а такое

ощущение, что совсем еще ребенок. Верн частенько устраивал глупые розыгрыши то ли от скуки, то ли из-за желания меня позлить. Несколько дней назад он подложил мне в кровать лягушку, а потом, когда я с криком выбежала из комнаты, смеялся так, будто ничего забавнее в своей жизни не видел. Вот я и подумала, что это его рук дело.

Хотя я с трудом могла представить, как Верн сумел договориться с этим мрачным типом, от одного взгляда на которого кровь стынет в жилах.

Тёрн. Ума не приложу, настоящее это имя или нет. Возможно, этого человека с растрепанными черными волосами, достигающими до плеч, человека, неизменно одетого в темный плащ с капюшоном, человека, чье лицо всегда выражало лишь безразличие и презрение, прежде звали как-то иначе, но жители Фловера говорили просто «Тёрн». Или «колдун».

– Оставьте меня, – сказала я вполне миролюбиво, хотя незваный гость сильно сдавил мой локоть, но я помнила о том, что воспитанная девушка всегда должна держать себя в руках. – Шутка не смешная.

Он ничего не ответил. Ничегошеньки. Даже не посмотрел в мою сторону и не произнес ни звука после слов о том, что забирает меня.

Вот тогда я и начала кричать, упираться, звать на помощь. Мама должна быть в гостиной. Папа еще утром заперся в кабинете. Верн и Корн на занятиях в классной комнате наверху. Младшие сестренки занимались музыкой, а я вышивала,

глядя на них. Сняла туфли и забралась с ногами на диван. Потому и оказалась босиком, когда слуга пригласил меня к двери.

– Леди Агата, вас спрашивают, – сказал он поклонившись, вот только взглянул удивленно и встревоженно.

Тогда я не придала этому значения. Пospешила к двери, не утруждая себя выуживанием туфель из-под дивана. Я так торопилась, потому что надеялась, что получу весточку от Даниеля. Прошла неделя с моего дня рождения, неделя, как я его не видела, а уже скучала.

Даниель по приказу отца отправился со своим отрядом к границе Тени. Никто не объяснил, почему такая спешка, но слухи разлетались быстро. Говорят, миражи снова полезли из Сумрака. Он уехал не попрощавшись, но я не сомневалась, что Даниель черкнет хотя бы пару строк, когда представится возможность, чтобы успокоить меня.

Я бежала к двери, а сама ощущала снова, как наяву, прикосновение кончиков пальцев к моей щеке, когда он поправил выбившийся из прически локон.

– Вот ты и стала взрослой, Агата, – тихо сказал он.

Всего несколько простых слов, от которых внутри все затрепетало, как от самых жарких признаний. «Вот ты и стала взрослой...» Неделю назад мне исполнилось восемнадцать. А значит, Даниель сможет обратиться к моему отцу с предложением руки и сердца. Его род – род Винтерс – так же богат и знатен, как мой: род Даулет. Отец согласится. Я стану

женой Даниеля. Любящей, любимой и самой счастливой в мире.

Я ожидала письма или, возможно, подарка, милой безделушки – кружевного платка, колечка или розы, но у двери стоял тот, кого я меньше всего думала увидеть. Колдун. Вода стекала по его черному плащу. Он откинул капюшон, и темные острые глаза оглядели меня с ног до головы придиричиво, точно вещь.

А потом случилось то, что случилось.

– Мамочка! Папуля!

Я уже обеими ногами стояла в жирной весенней жиже, удерживаясь за перила буквально кончиками пальцев. Из дома выбежали слуги. Они спешили мне на помощь, и я на секунду вздохнула с облегчением, даже посмотрела на сумасшедшего колдуна с толикой жалости. От него сейчас живого места не оставят! Я однажды видела, как Уолтер, наш дворецкий, отколотил тростью бродягу, так тот едва унес ноги!

Следом на крыльцо вышел отец.

– Папуля! – обрадованно крикнула я.

Но папа, странное дело, на меня не посмотрел. Отец выглядел так, словно ему нездоровилось. Я всегда гордилась его выправкой и статью, тем, как открыто он смотрит в глаза собеседнику. Но сейчас папуля будто постарел лет на десять. Его обычно прямая спина сгорбилась, будто на плечи давил непосильный груз.

Он сделал знак слугам. Я даже сначала не поняла, что это

значит. А потом... Это просто не могло быть правдой. И слуги тоже не поверили.

– Генерал Даулет?.. – растерянно переспросил Уолтер.

– Отпустите... его... – с усилием проговорил отец. – Пусть уходят... Вдвоем...

Губы его ходили ходуном. На меня он так ни разу и не посмотрел. Развернулся и ушел в дом. Закрыл за собой дверь.

Слуги переглядывались, не понимая, что происходит. Но приказа хозяина они послушаться не посмели. Может быть, они подумали, что отец таким образом решил наказать меня за какой-то проступок. Не знаю...

– Папа! Папа! – кричала я, совершенно забыв про воспитание и манеры: ужас тисками сжал сердце. – Мамуля! Мама! Верн! Корн! Ада! Ирма!

Я случайно подняла голову и увидела свою семью в окне второго этажа. Мама рыдала, прижав к глазам платочек. Ада и Ирма стояли, вцепившись друг в друга. Они ничего не понимали, переводили испуганные глаза с меня на маму, потом Ирма, которой было всего десять, тоже начала плакать. Я не слышала, что она говорит, но по губам догадалась, что она повторяет мое имя: «Агата, Агата...» Верн был бледен, но, когда Корн рванул ко мне на помощь, поймал его за воротник и поставил рядом с собой. Я не поняла, что Верн сказал брату, но, кажется, что-то вроде: «Отец не велел...»

Тёрн дернул меня сильнее, и мои пальцы, которыми я из последних сил продолжала держаться за перила дома и за

свою прежнюю жизнь, разжались.

– Идем, – сухо произнес он. – Идем, Агата.

Он поволок меня за собой. Меня трясло от пронизывающего ветра, ноги окоченели, руки покрылись мурашками от холода. Я чувствовала себя грязной нищенкой. Да получается... я и была теперь нищенкой. Без дома, без семьи.

За что они так со мной? Почему бросили? Почему отдали этому чудовищу? Еще минуту назад я боролась изо всех сил, но теперь побрела вперед, утопая в черной весенней жиже. Переставляла ноги, точно механическая кукла.

Это неправда. Это не может быть правдой. Это не со мной.

Споткнулась, упала, попыталась подняться и вся перепачкалась. Я знала, что все смотрят на меня. Слуги, родители, братья и сестры. О чем они думают сейчас, глядя, как я стою на коленях в грязи?

Я все-таки сумела встать, но сделала только два или три шага. Сознание помутилось от нереальности и несправедливости происходящего. В глазах потемнело, и я впервые в жизни упала в обморок.

Глава 2

Первые секунды после того как я пришла в себя, я чувствовала огромное облегчение.

«Какой яркий сон, – думала я. – И такой жуткий! Все, больше на ночь пирожных не ем!»

Было так хорошо и легко лежать в полудреме. Но потом я почувствовала, что ступням холодно от того, что я лежу в мокрых чулках, а когда ощупала подушку под головой, то вместо шелковой наволочки обнаружила грубое суконное одеяло, свернутое в несколько раз.

Я боялась открывать глаза, но сколько можно оттягивать момент... Вздохнула поглубже и огляделась.

– Мамочки... Мамочки...

Я снова и снова звала маму, будто стала малышкой. А ведь я старшая в семье и привыкла быть самой взрослой и ответственной. Но сейчас вся моя взрослость слетела с меня, словно шелуха.

Я была совершенно одна в крошечной комнатке, больше напоминающей чулан. На полу вдоль стен расположились сундуки и ящики, на полках стояли банки и ларцы. На узкую лавку, заменившую мне постель, был брошен тонкий тюфяк, слежавшийся от времени. Он был накрыт рогожей, в изголовье лежало грязно-серое одеяло. И непонятно было, то ли оно изначально такого цвета, то ли стало таким с течением

времени. На полу валялись комки пыли вперемешку с обрывками бумаги и прочим мусором. На окне вместо занавески висела пожелтевшая тряпица.

– Мамочки...

Я забралась с ногами на лавку, накрыла колени подолом. Еще совсем недавно мое домашнее платье из тонкого батиста было нарядным и славным, теперь же его усыпали пятна засохшей грязи, а еще я порвала его по шву, когда упала.

Мне было очень страшно. Так страшно, что кончики пальцев заледенели. Удивительно, но плакать я не могла. Я вообще редко плачу. Мама всегда говорила, что я должна стать примером для младших сестер, образцом достойного поведения.

«Когда придет время выйти замуж, женихи в первую очередь обратят внимание на добродетельность девушки, ее скромность и умение себя держать. А уже потом на красоту и ум», – так всегда говорила мама, и я верила ей.

Я была хорошей дочерью. Послушной и разумной, никогда не перечила. Почему же я теперь здесь, мамочка?

Говорят, слезы приносят облегчение, но мои глаза оставались сухими. Наверное, у меня шок. Я услышала это слово от лекаря, когда он приходил осмотреть Геллу, нашу служанку. За день до этого у нее на границе Тени погиб муж. Гелла после этого и сама словно превратилась в призрака – не ела, не пила, не разговаривала. И не плакала.

Вот и у меня шок. Только никто не пригласит лекаря, что-

бы помочь мне. Никто не придет, кроме...

Я с ужасом посмотрела на закрытую дверь, только в эту секунду до конца осознав, где нахожусь. Нет никаких сомнений, что я в доме колдуна – заперта в одной из комнат.

Этот дом я несколько раз видела издалека. Черный, жуткий, как и сам Тёрн. Он стоял за чертой города, и вела к нему одна-единственная тропинка. Такая узкая, что не подъедешь ни в экипаже, ни на телеге. Приходилось идти пешком. Наверное, именно поэтому добирались до дома колдуна лишь те, у кого действительно в этом была нужда.

– Смотри, Агатка, будешь такой вредной, родители отдадут тебя колдуну! – однажды ляпнул Верн, получив от меня затрещину за очередную дурацкую проделку.

Мы как раз проезжали мимо развилки – широкий рукав вел в город, а заросшая травой дорожка, петляя между чахлах кустиков, устремлялась к двухэтажному деревянному строению, покосившемуся и мрачному. Дом колдуна скрывался за стволами деревьев небольшого запущенного сада, и мне никогда не удавалось хорошо его разглядеть.

– Заткнись! – рявкнул на Верна отец, хотя на детей он старался не повышать голоса.

Помню, я удивилась вспышке гнева обычно выдержанного отца.

А сейчас мне припомнились и другие странности.

Тёрн иногда появлялся в нашем доме, и никто его не прогонял, наоборот, с почтением провожали в кабинет отца. Не

знаю, о чем они беседовали там, но как-то раз я пробежала мимо – мы с сестренками затеяли игру и носились по этажам, словно белки, – и услышала, как отец громко о чем-то просит этого страшного человека:

– Неужели нет никакого способа изменить договор? Я готов заплатить любые деньги! Возьмите дом. Возьмите меня! Оставьте ее нам...

– Нет, – раздался глухой голос. – Нет, это невозможно.

О ком они говорили тогда?

А еще я вспомнила, как меня, тогда пятилетнюю малышку, зачем-то представили колдуну. Я уже легла спать, но няня разбудила меня, заставила одеться, а я капризничала и терла глаза. Она на руках отнесла меня вниз, в гостиную, и передала маме. Мама прижала меня к груди крепко-крепко, точно боялась, что я развеюсь, подобно туману.

– Так вот, значит, какая она... – задумчиво произнес чей-то хриплый, резковатый голос.

В следующую секунду жесткая рука взяла меня за подбородок, заставляя поднять голову от маминого плеча. Я увидела человека, одетого в черное. Своим обликом он напоминал ворона. Черные волосы, черный плащ, длинноватый нос. Темно-карие глаза пристально вглядывались в меня. Я испугалась и разревелась.

– Унесите ее, – дрожащим голосом приказала мама. – Все, вы увидели нашу Агату, господин Тёрн. У нас еще есть время... Не тревожьте ее пока...

– Не господин. Просто Тёрн, – колдун скупко ронял слова, словно каждое стоило по монете. – И помните, вы не должны ей говорить. Никогда. Я скажу сам, когда придет время.

Он развернулся и ушел, а мама все никак не могла со мной расстаться, баюкала и целовала, хотя я была уже совсем сонная и тянула руки к нянечке.

– Ненавижу, – шептала моя добрая, ласковая мама. – Если бы я только знала, что это будет так... Я бы никогда!.. Я бы ни за что... Агата, моя кровиночка!

– Если бы не этот договор, ты была бы уже мертва, – сказал папа.

Почему же я забыла такой важный разговор? Почему он вылетел у меня из головы?

«Время пришло, я забираю тебя», – сказал страшный человек, похожий на ворона, и похитил меня из родного дома, а моя семья просто стояла и смотрела, как меня уводят.

Они знали, что так будет! Они готовились к этому много лет. Мама и папа заранее оплакали меня, попрощались. И хотя им сейчас очень плохо, у них остались Верн, Ада, Корн и Ирма, у них остался дом и вся их прежняя жизнь. А у меня не осталось ничего...

За какие долги вы расплатились мной? Как же так? Ведь я ваша дочь! Я росла в тепле и любви. Я всю жизнь готовилась к роли жены и матери, я умею вышивать, играть на арфе и петь. Я не выживу здесь!

– Мамочка... – прошептала я, но тут другое имя пришло

мне на ум, а вместе с ним в сердце всколыхнулась надежда. – Даниель!

Он любит меня! Он спасет меня! Он увезет меня из этого дома, от этого ужасного человека. Мы по – женимся и будем жить долго и счастливо! Надо только дать ему весточку!

Воодушевленная мыслями о женихе, я немного приободрилась, разгладила платье и села, распрямив спину. Когда колдун явится за мной, я встречу его, глядя прямо в его жгучие черные глаза.

Я и ждала, и страшилась этого момента. Неизвестность пугала. Я не представляла, зачем я ему – девочка из благородной семьи. Я не умею ни убираться, ни готовить, ни штопать, ни стирать. Едва ли его заинтересует мое пение или игра на арфе. Так зачем же?..

Я вскрикнула, но тут же, испугавшись, прикрыла рот ладонью. О такой возможности я сразу не подумала, но есть одна вещь, на которую сгодится любая девушка. Неужели это то, о чем я думаю? Нет, не может быть!

Против воли в моем воображении рисовались картины одна другой страшнее. Я представляла, как Тёрн раздевает меня, изучающе разглядывая холодными глазами. Видела, как в ответ на мои мольбы он кривит губы в едкой усмешке. Едва ли он станет что-то объяснять или уговаривать меня. Я его добыча. Я его собственность. Он сделает меня своей наложницей еще прежде, чем солнце уйдет за горизонт.

Глава 3

Напрасно я вскрикнула – колдун услышал меня. В коридоре раздались неторопливые шаги. Так уверенно мог идти только сам хозяин дома. Потом повернулась ручка двери, и вот я, перепуганная, испачканная в грязи, босая и жалкая, предстала перед Тёрном.

Колдун всегда был немногословен, он и сейчас лишь кивнул, оглядев свою пленницу. Он молчал, и я молчала тоже, однако, хоть сердце скакало в груди испуганным зверьком, решила во что бы то ни стало не отводить взгляд.

Впервые мне предоставилась возможность как следует разглядеть Тёрна. Обычно вид колдуна был мне так неприятен, что я торопилась пройти мимо, опустив голову. Я никогда не задумывалась, сколько лет этому человеку. Почему-то он всегда казался мне жутко старым, воображение дорисовывало морщины, которых на самом деле не было. Удивительно, но колдуну, стоящему сейчас передо мной, едва ли можно было дать больше тридцати лет. Такое ощущение, что с того момента, когда меня, сонную малышку, показали ему в доме моего отца, он не состарился ни на один день. Хотя чего ожидать от колдуна? Ему могло быть сейчас и тридцать, и пятьдесят, и сто пятьдесят лет.

Выглядел Тёрн довольно небрежно. Было очевидно, что он не слишком старается следить за внешностью. Волосы от-

росли до плеч, на лице двухдневная щетина, плащ помят, на рукаве я заметила наспех сделанную латку. Кто штопает его одежду? Кто готовит еду? Колдун и его дом пользовались такой репутацией, что едва ли нашлось много желающих наняться в служанки.

На груди Тёрна поверх одежды висел медальон на толстой цепи. Синий камень в центре пульсировал, точно сердце. Магическая вещица, сразу ясно. Колдун был бледен и казался страшно усталым, лишь темные глаза на его лице светились умом и силой.

В глаза я посмотрела в последнюю очередь, когда набралась решительности. А Тёрн разглядывал меня с совершенно непроницаемым лицом.

– Я все равно убегу, – прошептала я.

– Нет, – ответил Тёрн. – Не убежишь.

Он вздохнул, как человек, которому предстоит долгое, нудное, но необходимое дело. Видно, таковым он считал разговор со мной. Ему, затворнику, не привыкшему зря растрачивать слова, каждая фраза, вероятно, давалась с трудом. В глазах, обращенных ко мне, не было ни капли жалости, только неудовольствие от того, что придется тратить на меня время.

– Покажи мне правую ключицу.

– Что? – опешила я.

Тёрн сделал шаг навстречу, его быстрые пальцы коснулись воротника платья, но я отпрянула, сжала руки на груди. За-

жмурилась, готовясь к худшему.

– Ты... изнасилуешь меня?

Как же тяжело было произнести эти слова благовоспитанной девушке из хорошей семьи. Мама запрещала говорить о таких вещах даже шепотом, да что там, мы и думать о подобном не смели. Хотя, конечно, я знала о том, что происходит между мужчиной и женщиной после свадьбы. И знала о том, что некоторые мужчины... Я как-то подслушала разговор служанок... Щеки мгновенно покраснели от одного воспоминания.

– Твой отец говорил мне, что ты умна, Агата, – сказал Тёрн. – Если это на самом деле так, то ты должна понимать смысл сказанного. Я попросил показать ключицу, а не...

Он резко оборвал сам себя, будто эта длинная речь его утомила.

Я сглотнула и торопливо, путаясь в завязках, развязала горловину платья. Действительно, не время изображать испуганную дурочку. Хотя я, несомненно, была напугана, но, похоже, манеры, привитые мне с детства, придется оставить за порогом этого дома. Если я хочу когда-нибудь вернуться в семью, ни в коем случае нельзя позволить страху завладеть разумом.

Я приспустила ткань платья с плеча и показала ключицу. Прямо на косточке у меня располагалась необычная родинка, похожая на пятиконечную звезду. Неужели именно ее хотел увидеть колдун? Хотя руки тряслись – ведь я не знала,

что последует дальше, – я постаралась, чтобы голос звучал спокойно.

– Ты это хотел увидеть?

– Да, Агата. Посмотри.

Тёрн без лишних предисловий рванул ворот и освободил плечо. На его ключице обнаружилась такая же звезда, только из четырех лучей.

– Ты неглупая девушка и, уверен, уже догадалась о том, что ты первенец, обещанный мне еще до твоего рождения.

Я первенец, обещанный еще до моего рождения... О боги... Только сейчас все встало на свои места. Конечно, я, как и все дети, слушала сказки о первенцах, которых обещали отдать колдуну за какую-нибудь услугу, но и подумать не могла, что подобное случится со мной.

Я задрожала от обиды.

– Почему они мне не сказали? Почему я ничего не знала? Почему вот так, по грязи, босую? Зачем? За что?

Я почти кричала: боль, что заполняла сердце, искала выход, а в лице Тёрна не дрогнул ни один мускул, не отразилось ни одной эмоции.

– Ты ничего не знала, потому что я запретил твоим родителям рассказывать. Вовсе не из жалости. Так было нужно. Магия слишком тонкая и сложная материя. Есть множество вещей, о которых ты пока не имеешь представления. Постепенно я открою их тебе. Но не сегодня.

– За какую услугу расплатились мои родители? Зачем я

тебе?

– Об этом мы тоже поговорим в свое время. А пока привыкай к дому. Ты можешь прогуляться по комнатам, по саду. Пока тебе откроются не все комнаты.

– Я убегу! – запальчиво пообещала я. – Я здесь не останусь! Меня никто не спросил, хочу ли я стать первенцем, предназначенным в уплату долга. У меня есть жених! Даниель! Он спасет меня!

Я впервые увидела, как колдун усмехнулся.

– Убежишь? Ну попробуй.

Глава 4

Дверь была приоткрыта – Тёрн не запер ее, а сам он достаточно далеко отошел от выхода, и я смогла бы беспрепятственно проскользнуть мимо.

Почему бы и нет? Набрав в грудь воздуха, я рванула в коридор. Едва не растянулась на поехавшей под ногами половице, но выровнялась и понеслась вперед, надеясь, что не окажусь в тупике. В глаза бил свет из окна, расположенного в конце длинного коридора, слепил и мешал рассмотреть детали обстановки. Я увидела несколько запертых дверей, деревянные панели на стенах – краска на них давно облупилась. Кое-где висели гобелены, теперь потемневшие от старости. На потолке в нескольких местах сохранилась лепнина, но по большей части она давно осыпалась. Когда-то, вероятно, это был красивый дом.

Я неслась вперед, хватая воздух ртом, как рыба. Мне чудилось, что колдун вот-вот меня догонит, казалось, что деревянный пол позади меня содрогается от его шагов. Я резко обернулась, чтобы встретить опасность лицом к лицу и, если понадобится, дать отпор, но, странное дело, я по-прежнему была в коридоре одна.

Шмыгнув носом, я убрала с лица пряди и потихоньку пошла вперед. Даже удивительно, каким длинным оказался коридор, ведь снаружи дом выглядел совсем небольшим. Две-

ри, двери, гобелены, вытертые половицы под ногами... Но вот наконец-то обнаружилась лестница, ведущая вниз.

Я еще раз оглянулась, ожидая погони. Никого.

«Думаешь, я не уйду? Как это понимать?» – растерялась я.

Но потом просто выкинула эти мысли из головы. Я скоро вернусь к семье! От дома колдуна до развилки добираться около получаса, а потом на тракте меня кто-нибудь подберет.

Родители меня примут! Не выгонят же они свою родную дочь? Мы что-нибудь обязательно придумаем вместе! Должен найтись выход.

Так я размышляла, торопливо сбегая по ступенькам. Один лестничный пролет, второй, третий. От площадок между лестничными пролетами в обе стороны разбежались коридоры. Сколько же здесь этажей? Я была уверена, что только два.

Когда я уже начала предполагать, что заколдованная лестница никогда не закончится, я неожиданно оказалась перед открытой дверью.

Колдун ее не запер? Почему? Мне бы обрадоваться, но сделалось тревожно. И эта его усмешка: «Ну попробуй».

– И попробую! – сердито проворчала я себе под нос.

Низенькое крыльцо выходило в сад. Если скопище деревьев и кустов вообще можно назвать садом – скорее это был кусочек дикой природы. Создавалось ощущение, что дом колдуна вырос прямо посреди первозданного леса. А сейчас, ранней весной, когда снег уже растаял, обнажив черную зем-

лю и голые переплетенные ветви, выглядел этот лес жутко и зловеще.

И ни тропинки, ни дорожки, если не считать таковой цепочку следов, тянувшихся по грязи к крыльцу. Значит, колдун всю дорогу нес меня на руках.

«Знала бы, что так будет, ела бы побольше пирожных и сладких булочек!» – злорадно подумала я. Потом посмотрела на свои босые перепачканные ноги, вздохнула – хуже все равно не будет – и отважно спустилась с крыльца.

– Фу-у...

Грязь чавкнула, поглотив ноги по щиколотку.

– Если ты думаешь, что именно это меня остановит, – вслух сказала я, и довольно громко: мало ли, вдруг колдун поглядывает на меня из окна, – то ты ошибаешься!

По привычке приподняв подол, я побрела вперед.

Скоро идти стало чуть легче: я ступила под сень деревьев. Грязи здесь было меньше, прошлогодняя листва устилала землю. Плохо то, что теперь попадались колючие ветки, которые не так просто было разглядеть.

– Ай!

В пятку впилась острая колючка, да так сильно, что я, не удержавшись, села на землю. Могу себе представить, во что превратился подол платья! Притянула ногу и увидела, что тонкая веточка прорвала чулок и воткнулась в кожу. Даже кровь выступила.

Когда мы были маленькими, стоило кому-то из нас пора-

нитья, даже просто поцарапаться, нянечка реагировала так, словно с ее «козленочком» – так она называла всех своих подопечных – произошло нечто ужасное. Рану очищали щелочным мылом, мазали едкой притиркой, забинтовывали, а в рот несчастному вливали горькую микстуру, которая, по словам нянечки, должна была убить всех «махусеньких животинок, которые растут в грязи». Я представления не имела, что это за «махусенькие животинки», видно, какая-то темная магия, но с тех пор боялась любой ранки. От вида крови запросто могла свалиться в обморок.

Вот и сейчас я почувствовала головокружение. Что, если я теперь заболею? Что, если умру? Мне что же, так и идти дальше, истекая кровью?

Но потом я оглянулась на страшный дом, открытый вход которого зиял, как провал старческого беззубого рта, и, закусив губу, поднялась на ноги.

Меня всегда оберегали, точно хрупкую розу. Любой чих – и ты оказываешься в постели на три дня. Весенний дождь – на улицу выходить нельзя, чтобы не простудиться. После обеда надо отдохнуть, чтобы не перетрудить растущий организм. Есть следует умеренно, спать ложиться вовремя. Выйти летом без шляпки, а осенью без накидки было подобно концу света.

И где я теперь? Сижу прямо на земле, замерзшая, пораненная, мокрая насквозь.

«Как же так, мамочка? – Во мне внезапно всколыхнулась

злость, а ведь я думала, что совсем не умею злиться. – Посмотри на меня. Твоя девочка испачкалась. Твоя девочка поранилась. И кажется, уже основательно простыла. Разве такое может случиться с благовоспитанными девочками? Что же ты не придешь, чтобы пожурить меня?»

Хлюпая носом – про простуду я не придумала, – я тихонько побрела между деревьями. Я старалась не наступать на больную ногу, шла и хромала. Одно радовало – между стволами появился просвет, и я уже могла разглядеть тракт, по которому сейчас в сторону города тащилась телега, груженная мешками.

– Подождите! – крикнула я.

Сразу стало понятно, что возница слишком далеко и не услышит меня. Ничего, на дороге всегда оживленное движение, главное – добрести!

Однако странное дело, хотя полоска леса, или сада, как величал свое заброшенное угодье колдун, казалась совсем неширокой, я все шла и шла, но ни на шаг не приближалась к цели. Ногу саднило все сильнее, я подняла с земли ветку и поковыляла вперед, опираясь на нее, как на костыль.

Мне чудилось, что я иду уже не меньше часа, но тракт не приблизился и на десяток метров.

Давно бы следовало признать очевидный факт – лес перед домом колдуна заколдован. Как зачарован и сам дом. Но стоило мне приостановиться, как перед внутренним взором снова всплывала усмешка на лице колдуна и его едкое: «Ну

попробуй». Тогда я сжимала губы и продолжала идти.

Наверное, я бы шла до полного изнеможения, пока бы не упала и не умерла от жажды или истощения сил. Я уже понимала, что не выйду, но просто не могла сдаться.

Конец моей бессмысленной битве положил сам Тёрн. Я не видела, как он подошел, только почувствовала, что на плечо легла тяжелая рука.

– Ну все, хватит, – сказал он.

В его голосе не было злости, но мне послышалась толика удивления.

– Ты очень упряма, Агата.

Правда? Я упряма? В моей семье упрямство не поощрялось. Наоборот, все считали меня покладистой девушкой. Но вместо того чтобы потупиться и покраснеть, я обернулась и злобно уставилась в лицо колдуна. Я замерзла, жутко устала, нога болела невероятно. Сейчас мне было немного не до благовоспитанности.

– Я не упрямая! – крикнула я.

– Да, я вижу, – спокойно ответил Тёрн, оглядывая меня с ног до головы.

В приличном обществе, где я воспитывалась, такие взгляды посчитали бы непристойными, но Тёрна, видно, не слишком заботили вопросы чести. Ужасный человек, без малейшего понятия о благородных манерах!

– Ты мерзок! – процедила я.

– О да, – согласился колдун. – Ты не первая, кто заметил.

И после этих слов он подхватил меня на руки и зашагал в сторону дома. Тёрн нес меня легко, будто вовсе не ощущал моего веса. Наверное, снова какая-то магия.

Я пыталась не дышать и не смотрела в сторону.

Не хотела видеть его лицо, не желала почувствовать запах. Его близость была мне отвратительна.

– Когда-нибудь ты ослабишь внимание, и я сбегу, – прошептала я.

– Рад, что предупредила, – ровным голосом сказал Тёрн. – Буду начеку.

Я вспыхнула, гневно посмотрела на своего тюремщика и заметила тень ухмылки в уголках губ. Он насмехался надо мной.

– Когда-нибудь ты поймешь, что я не растрачиваю слова попусту. Каждое слово наделено огромной властью, особенно в устах того, кто обладает магией, – сказал колдун, и теперь он говорил серьезно. – Если я сказал, что убежать тебе не удастся, значит, так оно и есть.

– Мне это совершенно не интересно! – отрезала я.

– Тебе в любом случае придется меня слушать. Теперь ты моя воспитанница.

– Что?! – сдавленно пискнула я. – Кто?

– Ученица, если тебе угодно.

– Но я не хочу! У меня нет ни капли магии! Я ничего этого не умею и не люблю!

– Твою магию я разбужу. Вот только, боюсь, методы тебе

не понравятся.

Тёрн перенес меня через порог, поставил на пол, придержал за локоть, потому что я пошатнулась. Ноги подкашивались от таких новостей.

– Теперь это твой дом, Агата.

Глава 5

– Идем за мной.

Тёрн пошел впереди, будто не сомневался, что я последую за ним. А я настолько устала физически и морально, что сил сопротивляться не осталось.

«Ладно, – решила я. – Завтра попробую снова».

Колдун привел меня в небольшой каминный зал, такой же старый, пыльный и захламленный, как и все в этом доме. К очагу было придвинуто продавленное кресло, черная кожа потрескалась и вытерлась. На пол налетела зола, тонкий слой пыли покрывал все предметы в комнате. Здесь очень давно не убирались. Вдоль стен тянулись полки, на которых стояли книги. Вернее, книги были свалены кое-как, будто их вынимали в поисках нужной, а потом запихивали куда ни попадя. Прежде великолепные витражные окна, поверху украшенные мозаикой, почернели от грязи и с трудом пропускали свет.

Правда, в камине трещало пламя, а я так замерзла, что живое тепло перевесило все недостатки неприветливой комнаты.

– Сядь и сними чулок, – колдун указал на единственное кресло.

Было ясно, что кресло у очага принадлежит самому хозяину, и я обрадовалась, что Тёрн на время уступил мне его, а

не отправил на диван, что стоял поодаль. Я безропотно сняла чулок и хотела было повесить его на решетку у камина, но колдун подошел, отобрал у меня жалкую тряпочку и бросил в огонь.

– Второй отправишь туда же.

– Но... у меня больше ничего нет...

– Завтра мы купим тебе другую одежду.

– У меня дома полно платьев и накидок, всего, что необходимо.

«Только дай мне вернуться, пусть даже на одну минуту. Посмотреть в глаза маме и папе. Услышать от них несколько слов...»

– Нет, нельзя. У тебя будет другая одежда. А пока...

Он прищурился, будто вспомнил о чем-то. Ни слова не говоря, вышел вон, я только проводила его недоуменным взглядом. Но очень скоро колдун вернулся и бросил мне на колени рубашку из небеленого льна.

– Пока наденешь это.

Я смотрела на рубашку, и во мне боролись два чувства. С одной стороны, хотелось переодеться в чистое, а с другой...

– В город я тоже в этом пойду? – прошептала я.

Воображение тут же нарисовало ужасную картину. Фловер – маленький городок, здесь все друг друга знают, и, конечно, старшую дочь генерала Даулета узнают моментально. Если кто-то еще не в курсе того, что я теперь ученица колдуна, то после нашего визита в лавку слухи об этом разнесутся

по городку быстрее молнии. Я представила, как я, девушка из благородной семьи, бреду следом за мрачным колдуном. Босая, простоволосая, одетая в это кошмарное рубище.

Еще неделю назад на балу в честь своего дня рождения я блистала, вызывая зависть и восхищение, а теперь... Нет, я не выдержу! Это слишком!

– Да, – ответил колдун. – Чем быстрее ты привыкнешь к новой жизни, тем лучше.

– Я не смогу... Я не хочу... Отпусти меня, прошу тебя! – Отчаяние и ужас затопили душу. – Я просто умру, если ты меня заставишь! Как ты не понимаешь, мне ни за что не выжить в таких условиях! Я... Я...

Тёрн только покачал головой. Я не поняла, что значил этот жест. Мол, «ничего, привыкнешь»? Или, возможно, «прекращай, мне надоело твое нытье»?

– Покажи мне ногу, – сухо приказал он, и я снова не посмела послушаться.

Впервые в жизни чужие мужские руки трогали меня за лодыжку. Пальцы Тёрна были твердыми и сильными. Мою ногу он ощупывал, как это делал бы врач – осторожно и бесстрастно, лишь с целью обнаружить повреждения.

– Ничего, – сказал он.

Ступню охватило приятное тепло, побежало вверх по икре. Я моментально согрелась и почувствовала сонливость. Тёрн же взял в ладони и вторую мою ступню, согревая.

– Нет... Отпусти... Ты не смеешь!

Я попыталась сбросить дрему, но Тёрн, сидящий на корточках у кресла, поднял на меня свои темные глаза, в которых я не заметила никакой иной эмоции, кроме желания хозяина побеспокоиться о редкой и ценной вещичке.

– Чем быстрее мы начнем обучение, тем лучше. Болезнь снова выбьет нас из графика недели на две. Я и так ждал слишком долго, – подтвердил он мои догадки.

Тепло, что разлилось по телу, треск дров в камине, приятная полутьма – все погружало в сон. Я устала бороться и откинулась на спинку кресла. Вот выплусь, тогда и придумаю план, как ускользнуть от проклятого колдуна.

– Завтра мы решим, какая комната станет твоей, а сегодня спи здесь, – словно издалека услышала я голос Тёрна.

– Сколько в доме этажей?

Любопытство взяло верх, и я встрепенулась, вспомнив о том, как спускалась по лестнице, а ступени все не заканчивались.

– Иногда пять, – ответил колдун.

– Иногда? – Ничего страннее я в жизни не слышала. – А комнат?

– Однажды я пытался их пересчитать, сбился на сорок шестой.

Я разлепила тяжелые веки и подозрительно прищурилась. Колдун снова насмехается надо мной? Но его лицо оставалось серьезным. Он не видел, что я на него смотрю, и мне показалось, что Тёрн выглядит еще более уставшим, чем

прежде. Его и без того бледное лицо осунулось. Видно, сегодняшний день ему тоже дался непросто.

Но легкой жизни я ему не предоставляю. Тёрну придется быть начеку каждый час, каждую минуту. Я не собираюсь становиться колдуньей, магичкой или кем бы то ни было против своей воли. Это просто нечестно! Разве кто-то спросил меня о моем выборе? Родители расплатились мною за услугу, но я отказываюсь быть вещью!

Как ты там, мама? А ты, папа? Думаете ли обо мне? Я представила всю свою семью в гостиной. Представила, что малышка Ирма сидит у мамы на коленях, обнимает и вытирает ее слезы. Ада держит маму за руку. Верн и Корн пытаются сохранять спокойствие, однако для них это тоже сильный удар. А папа, наверное, не может сидеть от волнения. Все время вскакивает и ходит по комнате туда-сюда. Для них я будто бы умерла сегодня... Посмотрят ли они в мою сторону, встретив случайно на улице, или пройдут мимо? Сохранят ли мои вещи, все мои детские безделушки, рисунки и поделки, или поспешат избавиться от них, чтобы уберечь себя от лишней боли?

По моей щеке скользнула слезинка, я сердито вытерла ее. У меня в груди скопилось целое озеро слез, но стоит начать плакать, и я уже никогда не успокоюсь.

– Разреши себе выплакаться, – сказал Тёрн.

Колдун! Я совсем забыла о нем, а он по-прежнему находился рядом и смотрел на меня.

– Оставь... меня... одну... – прошептала я, изо всех сил сдерживая рыдания.

Он кивнул и вышел. Хоть какое-то облегчение. Невыносимо было видеть это чудовище так близко от себя.

«Даниель, – мысленно произнесла я любимое имя. – Даниель, Даниель, Даниель...»

Я повторяла это снова и снова, пока не стало чуть легче.

Наши семьи дружат много лет, я знаю Даниеля с детства, и я всегда думала, что стану его женой.

Когда мы были детьми, то проказничали и резвились вместе. «Два сорванца!» – качал головой папа. Даже сейчас я улыбнулась, вспомнив наши детские проделки. Однажды мы подстригли мою толстую добродушную кошку Корзинку, оставив ей подобие гривы. В другой раз залезли на чердак и спрятались меж сундуков и старой мебели, так что слуги и родные сбились с ног, разыскивая нас. Даниель еще любил подшучивать над служанками: вызывал их колокольчиком, а потом делал вид, что им показалось. Я не одобряла такие шалости, мне было жаль старательных девушек, но и на Даниеля не сердилась. Что взять с мальчишки? К тому же такого чудесного мальчишки.

Когда он был маленьким, волосы у него были светлыми, точно лен, и такими же мягкими. Я баловалась, заплетая косички на его отросших локонах, – юному Даниелю разрешали отращивать волосы до плеч.

– Какой ты мягонький, – говорила я, балуясь с Даниелем,

точно с куклой.

Он, в свою очередь, довольно бесцеремонно накручивал на палец прядь моих темных непослушных волос и говорил:
– А твои точно колючая щетинка.

Я обижалась, а он хохотал и терся своим носом о мой. И тогда я его прощала...

В какой-то момент – до сих пор не понимаю, когда же это произошло, – мы из парочки сорванцов превратились в парня и девушку. У меня появились пышные юбки и высокие прически. У него – форма, военная выправка и короткая стрижка. Нам больше нельзя было видаться, как прежде, наедине. Но на любом приеме и балу мы тут же оказывались вместе и, стараясь удалиться от чужих любопытных глаз, забивались в какой-нибудь уголок, чтобы побыть вдвоем.

От наших непринужденных детских бесед осталась лишь тень. Он больше не смешил меня и не пытался вывести из душевного равновесия глупыми шутками, но все так же тайком накручивал мой локон на палец и шептал: «Колючая Агатка».

Все думали, что наша свадьба – дело решенное. Хотя, как я теперь понимаю, родители просто позволили своей наивной дочери на время поверить, что в ее судьбе все будет как положено – любовь и счастливая, спокойная семейная жизнь.

Мы с ним даже ни разу не поцеловались!
«Даниель, спаси меня, приди за мной...»

Я думала о его мягких локонах, о его зеленовато-карих глазах, пока не провалилась в тревожный сон без сновидений.

Глава 6

Что-то меня разбудило – шорох или движение, но, открыв глаза, я поняла, что по-прежнему в комнате одна. Видно, почудилось. За окном стояла непроницаемая тьма – я очнулась посреди ночи. И если из окон своей девичьей спальни я могла любоваться огоньками города, то здесь, в доме, стоящем на отшибе, ничто не нарушало черноты, разлившейся за стеклами. Гостиная освещалась лишь слабым пламенем в камине, огонь почти прогорел, и алые всполохи под слоем золы ворочались и вздыхали, как живые.

«Колдун, наверное, спит, – подумала я. – Что, если попробовать уйти сейчас?»

Но на смену рискованной идее пришла разумная мысль, что зачарованное место все равно не выпустит меня. А представив, как я бреду во тьме, в грязи, теперь уже даже без чулок, я окончательно оставила эту идею.

Огромный дом покряхтывал и скрипел, он казался живым, хотя я понимала, что это всего лишь мое воображение.

«Сорок шесть комнат, – мысленно хмыкнула я. – Пять этажей. Иногда!»

В детстве я отличалась непоседливостью и тягой к приключениям, потом, правда, воспитание сгладило мою природную бесшабашность. Но сейчас, после всех потрясений, я чувствовала в себе странную жажду исследователя, такую

же, как в пять лет, когда меня отыскивали то на чердаке, то в подвале, то в саду. «Этот ребенок заставит меня поседеть раньше времени! – хваталась за голову мама. – Я так боюсь, что она либо утонет, либо свалится с крыши!» «Ничего с ней не случится, – отвечал папа. – Ты ведь знаешь. За Верна бы я еще переживал, но не за Агату».

Теперь мне чудился двойной смысл в словах папы. Я попыталась припомнить какой-нибудь случай, когда моей жизни угрожала опасность. Однако, наверное, у всякого ребенка наберется коллекция историй, когда он мог пострадать, но каким-то невероятным образом избежал печальной участи.

Я вспомнила, как мы с нянечкой, Верном и крошечной Адой, которая сидела в коляске, отправились в лавку за покупками. Откуда ни возьмись прямо на нас выскочила лошадь, запряженная в повозку. Что-то сильно напугало несчастную животину, и сколько бы возница ни хлестал ее хворостиной по бокам, сколько бы ни натягивал поводья, лошадь мчалась вперед, выпучив глаза и не видя ничего вокруг себя.

– Посторонись! – орал возница. – В сторону!

Нянечка замешкалась и встала столбом, ухватив одной рукой Верна, другой меня, сжала так крепко, что не вырваться. Лошадь должна была нас растоптать. Но вдруг, не добежав нескольких шагов, она будто наткнулась на невидимую стену. Захрипела, вздернув голову, а потом упала замертво.

Означало ли это, что на мне в тот момент была магическая

защита? Или трагедии не произошло по счастливой случайности?

Я снова и снова перебирала воспоминания, и многие привычные вещи теперь представляли в новом свете. Я всегда нескромно считала себя любимой дочерью. Мне прощались любые шалости и капризы, в то время как братьев и сестер за то же самое строго наказывали.

– Ты Агатку любишь больше! – как-то крикнула Ада.

У нас с ней вышел спор из-за платья. Мы обе хотели надеть на прием у Винтерсов один и тот же наряд цвета морской волны, обеим он был впору. Но мама отдала платье мне. Я показала Аде язык, она расплакалась от несправедливости.

– Это нечестно! – кричала она. – Ты всегда ей уступаешь!

И это было правдой. Мама попыталась утешить Аду, но, когда сестра посмотрела на меня из-за маминого плеча, я скорчила ей рожицу. Втайне я гордилась тем, что я любимица.

Любимица... В грязной одежде, с голыми ногами, которые я безуспешно пыталась согреть у остывающего камина.

«Колдун предложил осмотреться в доме», – подумала я.

Спать больше не хотелось, и я решила немного прогуляться. На каминной полке обнаружилось несколько свечей, фитилек одной я зажгла от пламени камина, остальные опустила в карман и отправилась исследовать дом, решив начать с первого этажа.

Когда я выглянула в темный коридор, на мгновение меня

охватил ужас: тени плясали на стенах, удлинняясь и корчась в неровном свете огонька свечи. Но если я хочу когда-нибудь вернуть себе свою отобранную жизнь, то должна стать смелой. Может быть, я найду в доме что-то, что подарит мне преимущество в борьбе с мерзким колдуном.

Я попробовала повернуть ручку ближайшей двери, но та не поддавалась. «Пока не все двери откроются тебе», – вспомнила я странные слова Тёрна.

Однако чем больше я пыталась, тем очевиднее становилось: пока ни одна дверь не желает проявить гостеприимство и впустить меня. Все оказались заперты. Что же за ними скрывается? Зачем колдуну столько комнат?

Я миновала семь или восемь комнат, когда послышались тихие шаги. Я прильнула ухом к двери: действительно, по ту сторону кто-то был.

– Тёрн? – тихо позвала я.

Конечно, это мог быть только он.

Дверь едва ощутимо толкнулась, а потом незнакомый девичий голос, всхлипывая, произнес:

– Помоги мне. Выпусти меня.

У меня все волоски на теле встали дыбом от неожиданности и страха. Еще одна пленница? Сколько же нас здесь?

– Кто ты? – прошептала я, одновременно пытаюсь повернуть ручку двери.

Проклятая ручка не поддавалась. Девушка в ответ только сопела, всхлипывала и жалобно просила ей помочь.

– Не получается! Эй, а через окно ты пробовала выбрать-ся? – спросила и сама поморщилась от бессмысленности вопроса: я-то не смогла уйти даже сквозь открытую дверь. – Я не могу открыть... Я обязательно придумаю, как тебе помочь!

Мне не хотелось оставлять бедняжку одну, такую испуганную и беспомощную, но пока я не могла помочь даже самой себе.

– Кровь...

– Что?

– Твоя кровь откроет дверь... Одна капля... Одна капелька...

Моя кровь? Странно услышать такое. Но если я действительно как-то связана с колдуном... Попробовать можно!

Я зарылась пальцами в волосы. За этот долгий невероятный день они превратились в осиное гнездо, но еще утром горничная сделала мне аккуратную прическу, заколов локоны шпильками. Я отыскала одну из них среди спутанных прядей. Застыла, нацелив острый кончик на палец, – я боялась ранок.

– Выпусти, выпусти меня... Выпусти, выпусти меня...

Печальный тоненький голос вывел меня из оцепенения. Зажмурившись, я уколола палец и выдавила капельку крови. Мазнула ручку, а потом снова попыталась повернуть.

На этот раз дверь поддалась.

За порогом в темноте я увидела хрупкий силуэт в длин-

ном платье. Повыше подняла свечу, чтобы разглядеть пленницу. И закричала.

Глава 7

Я впервые увидела мираж так близко. В том, что это был именно мираж, не осталось никаких сомнений, как только я разглядела глаза девушки – белые, точно мраморные шарики.

Миражи... Они появились в нашем мире не так давно, чуть раньше, чем родилась я. В первый год после возникновения Разлома приходилось труднее всего. Очень многие погибли, опустели целые деревни, находящиеся неподалеку от границы Тени.

Когда я была маленькая и слушала взрослые разговоры о противостоянии миражам, я часто приставала с вопросами.

– А где эта граница Тени? – уточняла я со всей детской непосредственностью. – Разве у Тени есть граница?

На самом деле, конечно, название возникло случайно, в самом начале Противостояния. Разлом возник у самого подножья Сагосских гор, на западе Глора. Стоило солнцу, клонясь к закату, опуститься за вершины скал, как у подножья ложилась густая тень. Именно в этот вечерний час из Сумрака приходили они.

Миражи отлично себя чувствовали в темноте, и чем гуще был Сумрак, тем активнее и злее они становились. Это были жуткие создания, отдаленно напоминающие людей. Долговязые фигуры, ноги-ходули, длинные руки с тремя паль-

цами. Лиц нет, только белый овал головы. В темноте они были сильны и быстры, но зато их можно было убить обычным оружием.

Попав на свет, миражи погибали не сразу. И, что хуже всего, превращались в полупрозрачные силуэты. Их было трудно разглядеть и невозможно нанести рану любым оружием, кроме магического. Застигнутые рассветом, миражи стремились укрыться от лучей солнца, от которых они таяли и исчезали.

А прятались они в тела людей.

Про эту губительную особенность стало известно далеко не сразу. Лишь через какое-то время, когда «безумие» охватило ближайšie к границе деревеньки. Жители вдруг оставляли свои хозяйства и целыми толпами отправлялись в сторону больших городов. С ними пытались разговаривать, но люди упрямо и безмолвно шли вперед.

Постепенно стали замечать, что внешность их меняется. Кожа и волосы бледнеют, из глаз исчезают зрачки и радужка. Тело изнашивалось, а после сбрасывалось, как старая кожа. Если дело происходило днем, то мираж стремился поскорее найти себе новую оболочку. Если ночью, то, выбравшись наружу, просто разрывал на части всех, кто находился поблизости.

Это основательно подорвало моральный дух воинов. Одно дело сражаться с кем-то реальным, с кем-то, кто боится честного оружия, истекает кровью и умирает, а совсем дру-

гое – бороться с какой-то неведомой дрянью, которая может завладеть твоим телом.

В первый год наше маленькое королевство понесло тяжелые потери, но все же выстояло. Хорошо, что в Глоре Разлом возник только в одном месте. Говорят, что в Барке их два, а в Блироне три.

Сейчас мы уже научились воевать. На границе Тени несет дозор регулярная армия, а каждый мужчина королевства должен отслужить один год. Миражи теперь почти не выбираются дальше Мертвой Зоны – так стали называть территории, которые пострадали сильнее всего. Там по-прежнему стоят заброшенные деревни с разрушающимися домами. Грустное зрелище...

А еще катастрофически не хватает магов для изготовления магического оружия и амулетов. Магов... В Глоре их пренебрежительно называли колдунами. И хотя все понимали, что без их помощи королевству не выстоять, колдунов презирали и не любили.

Однажды на приеме я ненароком подслушала беседу моего отца с генералом Винтерсом, отцом Даниеля. Отец выпил лишнего и разговаривал громче, чем обычно.

– Иногда я думаю, что было бы куда сподручнее, если бы в Глоре снова открылась своя магическая академия, как в том же Блироне! Три Разлома! Три! А они все это время удачно сдерживают миражей благодаря своим магам! Нам приходится обходиться самоучками. Да и те практически вне за-

кона... Неправильно это.

– Ты ведь знаешь, откуда эта нелюбовь. Колдуны сами виноваты, незачем было лезть в политику. С тех пор как дед нашего правителя стал жертвой заговора, все пошло наперекосяк. Боюсь, если бы не острая необходимость, колдунов просто отправили бы на костер.

– На костер!..

Тут отец заметил, что я выглядываю из-за колонны, оборвал разговор и одним глотком осушил полбокала черного эля.

* * *

Мой крик оборвался так внезапно, будто чьи-то пальцы сдавили трахею. На самом деле кончился воздух, а вдохнуть я не могла, только смотрела, как ко мне приближается мираж, бывший когда-то человеческой девушкой.

Длинные рыжие волосы свалились и топорщились во все стороны, как пакля. Белые глаза неотрывно следили за мной. Они казались незрячими, но я чувствовала, что тварь все видит и понимает. Она разинула рот, показав обломки зубов, зашипела и присела на корточки, будто готовясь к прыжку.

Свеча тряслась в моей руке. Но вместо того чтобы развернуться и бежать или хотя бы попытаться захлопнуть дверь, я, точно замороженная, продолжала смотреть на жуткое создание. Неужели я только что разговаривала с этой? С этим?

И словно испытывая меня – сколько я еще могу вынести, прежде чем грохнусь в обморок, – изо рта миража вылезли два отростка, похожие на пальцы. Они нашарили углы губ и потянули, разрывая. Будто что-то пыталось выбраться наружу из бывшего человеческого тела.

Я не хотела, не хотела этого видеть. Но и взгляд отвести не могла. Так бывает, когда на твоих глазах происходит что-то невероятно страшное, но вместо того чтобы спастись, застываешь, будто муха, попавшая в паутину. Просто смотришь и ждешь своей участи.

«Сейчас мираж выберется, и мне конец», – отстраненно подумала я.

– Прочь! – гаркнул кто-то над моим ухом.

Жесткая рука рванула за плечо, отшвырнула к дальней стене. Я больно стукнулась спиной, но зато в голове немного прояснилось. Свеча упала на пол и погасла. Я не стала ее разыскивать. Сжалась в комочек, обхватив руками колени.

Я плохо видела, что происходит, но различала белый силуэт в длинной рубашке, который вдруг вырос и теперь возвышался над колдуном на добрых две головы.

Мираж издавал странные стрекочущие звуки. Его руки уже совсем не напоминали человеческие. Он вознес над головой Тёрна две длинные конечности с длинными же пальцами, острыми, как кинжалы.

– Замри! – крикнул колдун, и амулет на его груди полыхнул синим.

Я каким-то образом поняла, что колдун вложил в обычное слово свою силу, превращая его в магическое заклинание. Так вот как это выглядит. Даже я почувствовала отголосок воздействия, ощутила легкое оцепенение. Мираж же и вовсе застыл на месте.

– Стань прахом!

Эта магия была на порядок выше. Я знала о смертельных заклятиях и знала, что не все маги способны на такое. Смертельные заклятия забирают массу сил. Если у мага слабый дар, то он рискует вычерпать его без остатка и упасть замертво.

Тёрн выкрикнул слова и пошатнулся. А мираж рассыпался черной пылью, устлавшей пол.

Воздух! Мне был необходим воздух! Крик, застывший в легких, рвался наружу, а вдохнуть я все еще не могла и забила, точно в судорогах.

И тут же оказалась в руках колдуна. Он, прищурившись, взгляделся в мое лицо и, вероятно, сразу все понял.

– Дыши! – приказал он, встряхнув меня. – Дыши!

И только тогда я смогла вдохнуть. Тёрн накрыл ладонью мой рот.

– Ш-ш-ш! – несколько не ласково, скорее повелительно, сказал он. – Ты в безопасности.

Он сгреб меня, точно груды одежды, брошенную на пол – без всякого уважения, без капли заботы, будто совершая что-то необходимое, – и поволок в зал, к камину.

Глава 8

– Гори! – сказал он огню, и тот взвился, словно в него подложили сухих дровишек.

Сгрузил меня в кресло и тяжело застыл, опершись о подлокотники по обе стороны от меня. На лбу блестел пот. Ага, значит, ты не двуличный, значит, ты тоже устаешь.

– Как?.. – глухо спросил он, и тон не предвещал ничего хорошего. – Как ты умудрилась открыть дверь?

– Моя кровь...

Тёрн сжал челюсти. Какие у него острые скулы. Кожа бледная, как у того же миража... Бр-р-р, он не менее жуткий, чем они.

– Кровь! Ну конечно. – Похоже, он был в бешенстве, но сдерживался. – Но как ты узнала, что кровь поможет?

– Она сказала!

Колдун все больше наклонялся надо мной, наши лица почти соприкоснулись. Я отодвинулась, насколько было возможно, вжалась в спинку.

– Вернее, он! Мираж! – крикнула я.

Тёрн дернулся, как от удара. В его глазах отразилось недоверие. Но я не обманывала, и он это понял. Злость сменилась растерянностью. Колдун отодвинулся и потер лоб.

Только сейчас я осознала, что случилось. Миражи не разговаривают. Вернее, разговаривают первые несколько часов,

пока в них еще остается что-то человеческое, пока душа борется с чужаком в их теле. Жуткое и печальное зрелище. Все понимают, что бедолаги обречены, да они и сами это знают.

Самыми страшными сказками в моем детстве были те, где в маму или в папу вселялся мираж, постепенно подменяя собой близкого человека. Няне отчего-то очень нравилось пугать ими нас, детей.

«Мамочка, мамочка, а почему у тебя такие белые волосы?» – спрашивала девочка, вернее, няня произносила слова героини тоненьким голосом.

«А это чтобы выглядеть самой красивой дамой на балу», – отвечала мама, и голос у няни делался грубым и резким.

«Мамочка, мамочка, а почему у тебя такие белые и жуткие глаза?»

Но няня уже ничего не отвечала, лишь страшно рычала, и становилось окончательно ясно, что бедная мамочка превратилась в миража, а героине наступил конец.

Как-то раз папа случайно подслушал сказку, и после этого няня у нас уже не работала. На ее место пришла как раз та добрая женщина, что звала нас «козлятками» и верила, что в грязи живут «махусенькие животинки».

– Она правда разговаривала со мной, – дрожащим голосом повторила я. – Может быть, тогда она еще не окончательно превратилась? Но... Откуда в твоём доме мираж?

Я подобралась и села, настороженно глядя на Тёрна, который отошел и теперь стоял чуть поодаль, задумчиво рас-

сматривая пламя.

– Она уже давно превратилась, – ответил он, а сам все смотрел на огонь, будто разговаривал с ним, а не со мной. – Агнесса Реймс. Маг. Прибыла из Блирнской академии по моей просьбе.

Рубленные, лишённые эмоций слова поведали больше, чем хотел сказать колдун. Ему было тяжело.

– Мы отправились к границе Тени, чтобы испытать... Неважно! – зло оборвал он себя. – Случилось то, что случилось. Она хотела, чтобы я использовал несчастье, произошедшее с ней, на пользу дела. Изучил... А ты!

Тёрн резко повернулся ко мне, и я отшатнулась, увидев, как в черных глазах взметнулось пламя. В них отразился огонь, горящий в камине, но сердце заколотилось от страха. Он не обозвал меня, однако это короткое «ты!» обожгло, как удар хлыста.

Тем временем за окном занимался рассвет. Все предметы в комнате выступали из сумрака во всей своей непривлекательности, и если ночью каминный зал выглядел запущенным и ветхим, то теперь стал напоминать мрачное логово.

Я всхлипнула, вспомнив, куда попала. Увидела свое грязное платье, свои босые ноги. Отчаяние сдавило сердце. Я снова начала задыхаться, заскребла ногтями по горлу. Колдун это заметил.

– Вставай! – приказал он.

На этот раз Тёрн обошелся без магии, но послушаться его

грозного тона я не посмела. Он повел меня за собой. Чуть дальше по коридору обнаружилась небольшая комнатка. Почти пустая, если не считать двух деревянных лавок вдоль стен и бочки, стоящей посередине. В углу были свалены та-зы, тряпки, щетки. Стояли и ведра. На лавке стопкой лежали свернутые полотенца.

Что это за комната? Я подошла к бочке, заглянула. Вода. Потрогала – теплая. Удивительно, каким образом вода сохраняется теплой в выставшем доме?

– Магия, – усмехнулся колдун, точно услышал мои мысли, но тут же снова сделался серьезен.

– Я могу умыться? – обрадовалась я, уже косясь в сторону деревянных шаек, светлых, выскобленных и вполне опрятных на вид.

Ничего так не хотелось, как смыть с себя грязь и переодеться в чистое. Пусть это даже будет рубашка изо льна.

– Конечно, – ответил Тёрн. – Но после того как приведешь в порядок зал. Книги должны быть расставлены по алфавиту. Ковер вычищен от сажи, мебель и окна отмыты.

– Что? Да как ты смеешь! Я не служанка!

– Ты моя ученица и будешь делать, что я велю, – бесстрастно ответил колдун.

– Нет!

– Что же...

Я ожидала яростного спора, но колдун просто повернулся и ушел, оставив меня наедине с бочкой. Меня потряхивало

от негодования! Да что он себе позволяет! Нет, я не видела в работе служанки ничего зазорного. В детстве я и сама частенько помогала горничным, мне нравилось чувствовать себя взрослой и нужной. И все же стоит признать, это было лишь забавой. Мне нравилось заниматься этим по доброй воле, получая похвалы от мамы: «Ах, она такая хорошая девочка!» Но от одной мысли о том, что теперь это станет моей каждодневной обязанностью, я пришла в ужас.

Что за жизнь мне предстоит? Я представила, как каждое утро я, одетая в грязное тряпье, с волосами, что повисли колтунами, принимаюсь за работу. Топлю камины, готовлю, убираюсь.

Да еще и ученицей меня назвал! Наверное, по вечерам, после хозяйственных дел, мы станем запираяться в мрачной лаборатории и гадать на внутренностях крысы, или, или... В голову ничего более отвратительного не приходило, но я и так передернулась от омерзения.

Не стану я убираться! Не дождется! Умоюсь, как и хотела. Я подошла к бочке и зачерпнула рукой воду, но она, только минуту назад теплая и осязаемая, вдруг стала бесплотной, точно туман. Как будто сделалась призраком воды. Рука осталась сухой.

– Ах ты гад! – пробормотала я, догадавшись, что без магии здесь не обошлось.

И самое обидное, колдун ушел и даже не видел моего возмущения. Знал, что деваться мне некуда.

Ладно. Хорошо. Я уберусь в комнате! Я хочу убежать, а значит, не время затевать войну. Пока буду играть по его правилам, а там посмотрим.

Тяжело вздыхая, я отыскала более-менее приличное ведро, относительно чистую тряпку и ковш. Когда ковш опустился в бочку, заколдованная вода вновь стала обычной.

Бормоча под нос проклятия, я потащила в зал. Тёрн при виде меня поднялся с места, удовлетворенно кивнул, отчего мне захотелось кинуть тряпкой в его отвратительное бледное лицо, обрамленное спутанными черными прядями.

– Пока ты наводишь порядок, я прогуляюсь в город и принесу нам завтрак, – спокойно сказал он.

При мысли о еде желудок предательски заурчал, но я ничего не ответила. Отправилась к стене, окунула тряпку в ведро, провела по полке, поднимая вверх облако пыли, и закашлялась.

Отлично. Превосходно. Я, Агата Даулет, старшая дочь генерала Даулета, перепачканная, растрепанная и босая, занимаюсь самой грязной работой в доме колдуна.

Тёрн подошел и кинул у моих ног пару стоптанных мужских башмаков.

– Пол холодный, обуйся, – буднично произнес он, делая вид, что не замечает моего перекошенного лица.

Глава 9

Несколько часов я отмывала комнату. Надышалась пыли так, что в носу словно поселился рой ос – пекло и свербило. Не могу сказать, что после всех приложенных усилий тут стало намного чище. Хотя книги теперь стояли на полках ровно, точно солдаты, а не валялись кое-как, да сквозь высокие окна, оттертые от грязи, проникало гораздо больше света.

И сейчас, на свету, каминный зал выглядел еще более жалким.

Это место никогда не станет моим домом. Я узница здесь, униженная пленница. Но наступит благоприятный момент, и я убегу! Не может быть, чтобы родители так просто отступились от меня. Проклятый колдун как-то умудрился запугать их, но еще не поздно все вернуть.

Шаги в коридоре раздались так внезапно, что я вздрогнула, будто Тёрн мог подслушать мои мысли.

Он вошел в гостиную, огляделся и чуть наклонил голову.
– Достаточно на сегодня. Иди, приведи себя в порядок и возвращайся.

«Иди, приведи себя в порядок! – мысленно бурчала я, волоча к двери ведро с грязной водой. – Одни приказы!»

Тёрн велел вылить воду у крыльца, а после этого я наконец-то могла заняться собой.

Не передать, с каким облегчением я окатила себя из ков-

ша теплой водой. Едва не разревелась. Подумать только, дома я могла хоть каждый день принимать ванну. Горничная помогала вымыть волосы ароматным мылом, а потом расчесывала их, пока они не заблестят. Как мало я ценила то, что имела.

Здесь же у меня не было ароматного мыла. На лавке я обнаружила серый, дурно пахнущий брусок, но обрадовалась даже ему. По крайней мере, дешевое мыло отлично оттирало грязь. Волосы, конечно, станут еще жестче, чем прежде, но выбирать не приходится.

Я обернула голову полотенцем, кинула изгвазданное платье в кучу хлама, натянула льняную рубашку и, покривившись, сунула ноги в разбитые башмаки.

Колдун уже ожидал меня в коридоре.

– Идем.

Я была уверена, что ниже первого этажа ничего нет, но, оказывается, вниз вела каменная лестница. Мы спустились, прошли по сводчатому коридору и очутились в небольшой кухне.

Здесь уже топилась печь, на деревянном столе были разложены продукты. Сыр, хлеб, вяленое мясо, редиска и пучки трав. Тёрн достал две глиняные кружки и налил в обе из графина незнакомый коричневый напиток. Пахнуло кислотным.

– Что это? Эль?

Сделалось не по себе. Как-то я, маленькая, сунула нос в

кружку отца и получила щелчок по носу. «Нет, Агата, эль не тот напиток, который подходит для благородных девушек». А ты ведь знал, папа... Уже тогда знал...

– Это квас, – бросил колдун.

– Напиток бедняков.

Не знаю, зачем я это сказала. Тёрн кинул на меня быстрый взгляд и промолчал, только указал на место перед собой.

Я не любила простой пищи. Признаться, я была довольно привередлива в еде. Каждое утро специально для меня служанки готовили кашу на молоке с орешками и цукатами, а на ужин еду раскладывали на отдельные тарелки. Хлеб не должен был соприкасаться с пюре или салатом. Крошечные тефтельки подавали без соуса, мясо не должно быть слишком зажарено...

– Стоит ли так баловать ее? – хмурился отец, посылая маме странный многозначительный взгляд.

– Пусть... хотя бы сейчас... – жалобно просила мама.

Обманщики! Обманщики!

– Что ты застыла? Ешь! – Голос колдуна вернул меня в мрачный дом.

Я уже так проголодалась, что с радостью принялась за еду. Удивительно, однако зерновой хлеб с куском мяса и хрустящей бордовой редиской, щиплющей язык, – это очень вкусно. Да и квас не так плох.

– Сейчас мы перекусили на скорую руку, но ужин за тобой.

Колдун указал подбородком на корзину, стоящую на ларе. Из корзины выпирали баранья нога, связка лука, пучок морковки. От таких новостей я чуть не подавилась.

– Я не умею готовить! – воспротивилась я. – Ты и сам не захочешь есть ту бурду, что я состряпаю.

Колдун приподнял кончики губ в усмешке. Похоже, мои несчастные попытки бунтовать его забавляли.

– У меня есть отличная «Настольная книга юных жен». Она тебе поможет. А если не получится с первого раза – не беда, у тебя будет столько времени, сколько нужно.

Я кинула на него гневный взгляд, но лицо Тёрна оставалось безмятежным.

Прекрасно! Просто замечательно. Служанка, кухарка! Что дальше?

– Ты сказал, что теперь я твоя ученица. Но если я только и буду делать, что готовить да убираться, времени на занятия магией не останется.

Интересно, чего я хотела добиться этими словами? Я во-все не горела желанием заниматься магией. Я боялась. Боялась, что во мне нет ни капли магического дара, как я и сказала колдуну в самом начале. И боялась, что дар все-таки есть.

Все, чего я хотела, – оказаться дома, в объятиях семьи, и навсегда стереть из памяти последние два дня своей жизни.

После моих слов на лицо колдуна набежала тень.

– Заниматься начнем чуть позже.

– Позже? – удивилась я, вспомнив слова Тёрна о том, что он и так ждал слишком долго. – Так вот оно что! Не нужна тебе ученица! Ты украл меня из дома, чтобы сделать своей служанкой и кухаркой! И не платить при этом ни гроша. Отличный план! Не скажешь, за какую такую услугу отец так щедро расплатился с тобой?

Во мне клокотала злость. Как несправедливо все!

– Скажу. Но не сейчас.

Тёрн резко поднялся на ноги, вытащил с верхней полки комода запыленную бутылку из темного стекла и плеснул в кружку резко пахнущее пойло. Точно не эль, что-то покрепче.

– Пей, – приказал он.

– Зачем? – испуганно пролепетала я.

– Будем считать, что это лекарство. Я должен открыть тебе неприятную правду... Нет, пока не о родителях. – Тёрн заметил на моем лице смятение. – О другом. Давай. Одним глотком.

– Мне нельзя пить. Это ужасно. Папа не одобрил бы... – я лепетала, как десятилетняя девчонка.

– Тебе уже все можно, – перебил колдун, и в его голосе мне отчего-то померещилась горечь.

Под его пристальным взглядом я хлебнула обжигающее питье. В нос ударил едкий запах, по горлу словно прокатился огонь. Я закашлялась, зажмурилась, из глаз потекли слезы.

– Еще! – сказал Тёрн.

– Нет...

– Да!

– Зачем... ты... делаешь... это... – с трудом протолкнула я сквозь сведенные судорогой губы.

– Затем, Агата. Ты должна понять, что твоя прежняя жизнь никогда к тебе не вернется. Отпусти всех, кто остался позади.

– Я не могу. Я не хочу...

По щекам уже текли настоящие слезы. Отвратительный напиток что-то размягчил во мне. А я так надеялась остаться сильной.

– Придется.

Какой он жестокий! Почему он просто не может оставить меня в покое?

– Прошу, Тёрн. Отпусти меня. Я пришлю тебе свою самую лучшую служанку. Двух служанок. Я сама буду им платить!

– Дело не в том, что мне нужна служанка. Ты моя ученица. Но я не могу начать занятия прямо сейчас, Агата. Сначала я должен тебя инициировать.

– Как? – опешила я.

Незнакомое слово пугало.

– Первый толчок к пробуждению магического дара произойдет тогда, когда ты потеряешь невинность.

Должно быть, вид у меня сделался ошалелый. Во взгляде Тёрна впервые промелькнуло что-то, похожее на сочувствие.

– Я понимаю, что юной девушке нелегко сразу решиться

на этот шаг, – медленно произнес он. – Я не стану торопить. Две-три недели...

Две-три недели? Серьезно?

Я вдруг ясно представила, как это будет. Тёрн лишит меня невинности с тем же выражением лица, с каким ощущивал мою раненую ногу – так, будто совершает некую медицинскую процедуру. Движения его будут размеренными, а глаза пустыми и безразличными. «Молчи», – прикажет он, запрещающая стонать, и накроет мой рот своей холодной рукой. Темные волосы, свалывшиеся сосульками, будут щекотать лицо...

Оказывается, препарирование дохлых крыс – не самое страшное и мерзкое, что может случиться со мной в этом доме.

Я почувствовала, что гадкое пойло подступило к горлу, и едва успела добежать до ведра.

А после, не раздумывая, рванула наверх, к входной двери. Я должна попытаться снова. Я должна бороться!

Дверь с размаха захлопнулась прямо перед моим носом, отрезая от внешнего мира. Позади послышались шаги.

– Все. Хватит бегать, Агата.

Глава 10

Я развернулась, прижалась спиной к двери, готовая к отпору.

– Не трогай меня!

По лицу, лишённому эмоций, скользнуло сочувствие, но тут же оно снова сделалось бесстрастным.

– Не трону, – сказал он.

Тёрн скрылся где-то в доме, а я еще долго стояла, прислушиваясь к шорохам и звукам, доносящимся из недр комнат. Не спрятаться, не сбежать. Я птица, запертая в клетке. Птица, которой скоро обрежут крылья...

Оглушенная событиями последних двух дней, к выбору спальни я подошла безразлично. Тёрн показал мне несколько, но все они мало отличались одна от другой – запущенные и пыльные.

– Я могу остаться там, где очнулась в первый раз. Мне все равно.

Я тащила за колдуном, еле переставляя ноги, и старалась держаться на расстоянии. Дергалась, стоило ему подойти ближе чем на шаг.

Мне хотелось, чтобы поиски поскорее закончились. Я мечтала упасть на кровать, да что там, я распласталась бы даже на голом полу. Лежала бы без движения, ни о чем не думая, ничего не желая.

– Там слишком тесно. Вот, посмотри, здесь довольно просторно...

Он распахнул очередную дверь. Мы стояли в коридоре второго этажа.

– Поставим стол. – Колдун цепким взглядом обозревал комнату. – Полки здесь есть. Комод. Встроенный шкаф. Конечно, тебе придется сделать уборку.

Как он может оставаться таким спокойным после того, как полностью разрушил мою жизнь?

– Хорошо. Пусть эта.

Тёрн неожиданно резко оказался рядом со мной, взял за плечи. Я ахнула, пытаюсь отстраниться, но хотя пальцы его, казалось, едва касаются моей кожи, вырваться я не смогла.

– Хватит, – глухо сказал он.

Его темные глаза неотрывно смотрели на мое лицо. Я никак не могла истолковать чувство, что взметнулось в их глубине, подобно буре.

– Хватит себя хоронить, Агата!

Я ничего не ответила, но, думаю, Тёрн и без того прочитал ответ на моем лице. Я его ненавидела до дрожи, до омерзения. Вцепилась бы в его гадкую рожу, да только понимала, что без толку.

– Мне стоит поблагодарить тебя?

Я вздернула подбородок. Униженная, но не сломленная. Мне так это представлялось. А колдун смотрел на меня, как смотрят на глупых, еще ничего не понимающих в этой жизни

девочек умудренные опытом люди. А ведь он действительно намного старше меня. Сколько ему лет? Сто? Двести? Ведь колдуны не стареют благодаря магии.

– Ты не знаешь, что ты получила, Агата. Не противься да-
ру.

– Что я получила? – едкий смешок сорвался с губ. – Разва-
ливающийся дом, в котором даже не хозяйка? Старые баш-
маки? Работу служанки?

Я сглотнула комок, но заставила себя продол – жить:

– Возможность стать любовницей старика?

Я прямо смотрела в глаза колдуна, но он не отвел взгляда. Тёрн оставался спокоен и сдержан, а я тяжело дышала, как после драки, сердце колотилось.

– Так или иначе, этого не изменить, – сказал колдун, от-
пустив наконец мои плечи. – И чем быстрее ты смиришься
с происходящим, тем лучше.

«Никогда!» – хотела крикнуть я, но прикусила губу.

Я никогда не смирюсь. Но ему знать об этом совершенно
не обязательно.

Весь следующий день я наводила порядок в спальне, раду-
ясь тому, что есть дело, которым я могу занять руки и голову.
Очищенная от пыли и грязи комнатка все равно выглядела
нежилой. Несмотря на то что Тёрн принес постельное белье
– серое, грубое, но, по крайней мере, чистое, – а на окнах
появились занавески, моих вещей здесь не было. С тоской я
вспоминала свою коллекцию куколок, свои альбомы для ри-

сования и незаконченную вышивку, свои нарядные платья. Моя новая спальня была просторной, но пустой, чужой и холодной.

Тёрн принес и положил на стол обтрепанную книгу в кожаной обложке, потрескавшейся от времени. «Основы магии» – сообщали тисненные буквы. И чуть ниже: «Глорская высшая академия магии».

– В нашем королевстве нет высшей академии магии! – воскликнула я, разоблачая обман. – Что за чушь!

– Прежде была, – бросил Тёрн, но объяснять ничего не стал.

– Что мне делать с ней?

Я пренебрежительно, точно дохлую жабу, приподняла книгу за облезлый корешок.

– Можешь полистать. Мы приступим к подробному изучению позже.

Я вспыхнула, вспомнив, после чего наступит это «позже».

– Не может быть, чтобы у всех магичек способности можно было пробудить только таким способом!

К щекам прилила кровь, должно быть, они сделались пунцовыми от стыда. В моей семье даже слова «беременность» старались избегать, ведь известно, какие именно отношения между мужчиной и женщиной приводят к появлению детей.

– Ты готова говорить откровенно? – Тёрн приподнял бровь. – Не упадешь в обморок?

В этом я не была уверена, но все-таки кивнула.

– Ты не должна была родиться магом, но получила магию благодаря договору между мной и твоими родителями. – Он предостерегающе поднял руку, обрывая вопрос, готовый сорваться с губ. – Нет, суть этого договора я открою тебе еще не скоро. Эта магия словно запечатана в тебе. Родись ты магичкой, все было бы иначе. В академиях Барка и Блирона учатся адепки, которые умеют пользоваться своей силой с самого детства. Но ты не такая, Агата.

Я молчала, вцепившись в корешок книги так, что пальцы побелели.

– Однако женская магия всегда так или иначе основана на чувственности. Многие адепки на старших курсах специально заводят себе любовников.

«Меня сейчас снова стошнит», – уныло подумала я. И вдруг меня озарило.

– Агнесса Реймс. Магичка, что прибыла по твоей просьбе из академии Блирона...

В памяти возникла жуткая фигура с мраморными шариками глаз. Пришлось тряхнуть головой, чтобы прогнать образ.

– Вы были любовниками?

– Да, – он не стал отрицаться.

– Ты ее любил?.. – спросила я уже тише.

Против воли в душе что-то дрогнуло, когда я подумала о незнакомой мне рыжеволосой магичке. Каково это – знать, что мираж поселился в твоём теле и нет ни единой возмож-

ности спастись? И каким мужеством надо обладать, чтобы, понимая это, не покончить с жизнью сразу и без мучений, а попросить Тёрна обратить это несчастье на пользу общему делу?

А что чувствовал он, запирая в одной из комнат дома ту, кого недавно целовал? Каково это – крикнуть «Стань прахом» той, с кем делил постель?

Я ждала, что он скажет: «Да». И тогда, может быть, перестанет быть настолько мерзок. Значит, что-то человеческое в нем осталось...

– Нет, – холодно ответил Тёрн.

Глава 11

У мрачного огромного дома было одно явное преимущество – возможность избегать встреч с колдуном. Чем я и занималась. Сначала делала вид, что обустроиваюсь в комнате, потом проскользнула на кухню и принялась за готовку.

Решила приготовить самое простое, что пришло на ум, – мясное рагу. Я не один раз наблюдала за тем, как стряпает Эдит, наша кухарка, и решила, что вполне в состоянии нарезать мясо, очистить овощи и потушить все в бульоне.

Огонь в печи уже пылал, я только сполоснула чугунок и принялась за дело. В руках Эдит нож порхал, словно живой. Морковь вылетала из-под него аккуратными кружками, мясо превращалось в ровные брусочки, а картошка будто бы сама подкатывалась под лезвие, чтобы нарезаться дольками.

Я же потратила битый час, ковыряя непослушные клубни, превратив их в конечном итоге в какие-то многоугольники. Госкливо посмотрела на морковку и решила, что если примусь чистить ее, то от несчастного корнеплода останется только ботва. Поэтому я ее сполоснула и отправила в похлебку целиком. Лук, правда, покромсала.

Варево уже булькало, а к бараньей ноге я еще даже не подступилась. Я не представляла, как ее разделявать, поэтому решила срезать по краям, а с остальным разобраться позже. Остро наточенный нож отхватил кусок мяса, а потом врезал-

ся в подушечку моего большого пальца, порезав до крови.

Я вскрикнула и выронила нож. Облизнула порез, как обычно, поранившись, делала мама. Но это не помогло, кровь капала на пол, и я растерянно стояла, оставив руку, не зная, чем ее перебинтовать.

– Что случилось, Агата?

Колдун тут как тут! Будто кто-то его звал! Сама бы справилась. Вместо ответа я передернула плечами.

– Разреши посмотреть.

Это снова был приказ, которому я не смогла противиться.

Тёрн, прищурившись, осмотрел мою руку, вынул из кармана чистый носовой платок и аккуратно забинтовал рану.

– Агата, помни, что твоя кровь великая ценность. Следи за каждой каплей.

– Моя кровь? – опешив, переспросила я.

– Предлагаешь сейчас прочесть тебе лекцию? – сухо поинтересовался Тёрн, завязывая узел на запястье. – Или закончим с ужином?

Ужин! Похлебка булькала и злобно плевалась, жидкость почти выкипела, и несчастная морковка торчала из варева хвостиками вверх, точно из грядки.

Колдун как-то обреченно вздохнул, вытащил многострадальные корнеплоды, нарезал их и занялся мясом. Дальше в ход пошла зелень, а на полке обнаружились баночки с приправами. Правда, я не была уверена, что это не толченые мышиные хвостики, но, попав в чугунок, порошки пахли скорее

приятно, чем отталкивающе. Я узнавала их, когда ароматы раскрывались, недаром вечерами я любила просиживать на кухне, слушая простые, но веселые разговоры кухарки с помощницами, заодно выучила некоторые названия. Гвоздика, тмин, сладкий перец, тимьян... Базилик.

Я вскинула голову, уловив знакомый аромат. Только сейчас я поняла, что рядом с колдуном всегда ощущала именно этот запах. Наверное, он бы мне даже нравился, если бы принадлежал кому-то другому.

Даниель в детстве пах сладостями, а когда обзавелся военным мундиром, стал пахнуть сложно. Дымом, пылью, теплой шерстью... Я зажмурилась, вспоминая и мечтая хотя бы еще раз уткнуться носом в ямочку между ключиц...

– Агата, тебе плохо?

Я качнула головой. «Мне плохо! – хотела крикнуть я. – Ты ведь знаешь, что мне плохо!» Но, конечно, промолчала.

– Давай есть.

Он налил в миску горячей похлебки, нарезал хлеб и придвинул ко мне на деревянном подносе. Ели мы в полной тишине, не обменявшись ни словом, ни взглядом.

Тёрн забрал у меня посуду и сказал, что сегодня в виде исключения вымоет сам. Я поднялась из-за стола, радуясь, что могу уйти в комнату и больше его не видеть.

– Завтра мы пойдем в город, чтобы купить все необходимое, – бросил он мне в спину.

Я будто налетела на невидимую преграду, но нашла в себе

силы кивнуть.

Значит, завтра! Я снова попытаюсь сбежать.

* * *

Утром следующего дня я вышла на крыльцо дома, одетая, как последняя нищенка. Льняная рубашка до колен, босые ноги в стоптанных мужских башмаках, черный плащ, прежде принадлежавший Тёрну, но теперь такой ветхий, что даже неприятельный колдун отказался от него. Я немедленно накинула на голову капюшон, надеясь, что никто не опознает в несчастной бродяжке старшую дочь генерала Даулета.

На этот раз до тракта добрались без задержек: заколдованный сад признал хозяина и выпустил нас. Очень скоро на дороге появилась телега, идущая в сторону города. Возница, заметив колдуна, скривился, но все-таки осадил клячу. На простоватом лице парня без труда можно было прочесть его мысли: «Принесла тебя нелегкая, колдун. И проехал бы мимо, так ведь порчу нашлешь, не дайте боги!»

– Садитесь, устраивайтесь, – лстивым, неестественным голосом пригласил возница. – А куда вы? Ну, знамо дело, что во Фловер, а куда... А! Простите нас, мы вовсе не хотели доставлять неудобств уважаемому колдуну... и его спутнице.

Последнее предложение парень произнес напыщенно, будто кто-то его подучил, как правильно следует разговаривать с колдуном, и возница гордился тем, что наука приго-

дилась. Он только немного споткнулся на спутнице. Явно не ожидал увидеть кого-то рядом с Тёрном.

Прищурившись, парень попытался разглядеть мое лицо под капюшоном, но я еще ниже опустила на лоб черную ткань. Тёрн бросил вознице монетку, и тому волей-неволей пришлось взяться за вожжи.

Мы сошли на центральной площади Фловера. Здесь расположились торговые ряды, а дальше по улице теснились многочисленные лавки.

Тёрн первым делом завернул в лавку, где продавали готовую одежду, и без стеснения приступил к выбору платьев. Изнемогая от стыда, я притулилась у порога. Ссутулилась и опустила голову как можно ниже, надеясь, что никто меня здесь не узнает. Продавщица, приятная молодая женщина, кидала на меня из-за прилавка недоуменные взгляды и в конце концов не выдержала.

– А ваша... м-м-м... милая спутница не хочет присоединиться? Я могу что-то подсказать. Какие нижние рубашки она предпочитает? Лен? Шелк?

Тёрн обернулся ко мне, взглядом приглашая принять участие в выборе одежды, но я сконфуженно покрутила головой и еще плотнее запахнулась в плащ. Колдун как ни в чем не бывало продолжил покупки.

Скоро перед ним выросла гора одежды. Мы зашли в недорогую лавку, и я знала, что платья, выбранные им, простые, без изысков. Такие носили наши горничные. Но я невольно

радовалась тому, что это настоящие платья, настоящие рубашки и теплые чулки.

– Доставьте все это к развилке, – бросил Тёрн, доставая кошелек, чтобы расплатиться.

Я удивилась, что он не опасается воров, ведь вещи останутся без присмотра, но потом подумала, что у колдуна никто ничего не станет красть, если еще не совсем потерял рассудок.

– Теперь обувь. Идем.

Обувь! Сердце упало. Если выбор одежды колдун взял на себя, то сапожки покупать на глаз рискованно, придется примерить. И как назло, Тёрн повел меня в лавку мастера Серри, который изготавливал отличную обувь на заказ.

– Купим готовые, – тихо попросила я.

Мастер Серри знал меня в лицо, моя семья заказывала у него обувь вот уже много лет.

– Тебе нечего стыдиться, Агата, – невозмутимо ответил колдун. – К тому же рано или поздно все узнают, кто ты.

Понимая, что упрашивать бесполезно, я поплелась следом за Тёрном.

Мастер Серри, добродушный щуплый человечек, находился в постоянном суетливом движении. Колокольчик звякнул, приветствуя покупателей, и он тут же вылетел из-за стола, где на болванку был натянут сапожок. Из уголка рта у него торчал гвоздик, и мастер перекачивал его во рту и грыз, будто соломинку.

– Прошу, прошу. Что хотите заказать? Вот сюда, сюда!

Он уже тянул меня на лавку. Такую знакомую лавку, где меня устраивали еще малышкой и тут же вручали либо деревянную лошадку, либо куклу с одним глазом, чтобы я отвлеклась на игрушки и не мешала снять мерки.

– Сапоги. Ботинки на весну. Туфли для дома, – перечислил колдун.

Я покорилась неизбежному, позволяя мастеру Серри увлечь меня за собой. И тут остолбенела. На лавке у стены уже расположилась девушка. Одна ее нога была необута, видно, именно ее сапжок мастер ремонтировал, когда мы зашли в лавку.

И ладно бы это оказалась незнакомая девушка.

Нет же, я отлично знала Флору Мейс, сплетницу и высокомерную зазнайку. Неделю назад, на моем дне рождения, я осадила ее, когда Флора пыталась увести Даниеля, уцепившись за его локоть.

Флора скользнула по мне безразличным взглядом, гадливо сморщилась и отодвинулась подальше, когда я села на лавку. Я вынула из ботинка босую заледеневшую ступню.

Мастер Серри опустил на корточки и, бормоча под нос, принялся за привычную работу.

– Прелестно, – бормотал он. – Такая милая маленькая ножка. Стой, я ведь уже измерял...

Мужчина поднял голову, и его взгляд встретился с моими испуганными глазами.

– Малышка Агата? – воскликнул он. – Агата Даулет!

Флора буквально подскочила на месте. Она протянула руку и, не успев я опомниться, сорвала с моей головы капюшон.

– Агата! – воскликнула она. – О, боги!

Прыгая на одной ноге, она подобралась к столу и стянула сапожок.

– Еще не готово! – возмущенно воскликнул мастер Серри. – Куда вы?

– Мне некогда!

Флора, пятась, отступила к двери. Она с ужасом разглядывала меня. Смотрела, как смотрят на что-то омерзительное. На раздавленного таракана, например. У выхода она развернулась и опрометью бросилась прочь.

– Ой, мамочки... – простонала я.

Слезы побежали по щекам, и я никак не могла их остановить.

Глава 12

Не знаю, что было известно мастеру Серри, возможно, он просто решил не связываться с колдуном, но больше он не произнес ни слова, занимаясь своим делом. А я смотрела вверх, делая вид, что все происходит не со мной.

Моя прежняя жизнь все больше отдалялась от меня. И если до выхода в город случившееся еще можно было считать страшным сном, ошибкой, то теперь, когда Флора увидела меня в таком неприглядном виде, я с неожиданной ясностью осознала: несчастье, произошедшее со мной, реально.

Если я сегодня не убегу, то не убегу уже никогда. Черный мрачный дом и жуткий колдун – вот и все мое будущее.

Но как убежишь, если он неотступно следует за мной, если следит своими темными глазами...

– Агата, – тихо сказал Тёрн, что все это время стоял рядом.

Я почувствовала, как он что-то вложил мне в руку. Кинула быстрый взгляд и увидела очередной платок. Такой белоснежный, что это даже смешно. Потрепанный плащ, давно не стриженные космы и... платок? Я разжала ладонь, роняя белый квадрат ткани на пол.

Скоро с мерками было покончено, и я снова запахнулась в черный плащ, как в броню.

– Теперь заглянем в оружейку, потом отправимся домой.

«Эта жуткая развалина никогда не станет моим домом!»

– Ты голодна? Мы можем зайти...

– Нет! – почти крикнула я.

Только не это. С меня хватило Флоры, которая теперь разнесет новость о падении Агаты Даулет по общим знакомым.

Оружейкой прежде, еще до Противостояния, называли склад оружия. Теперь склад разросся до небольшой крепости. Здесь поставили кузницы, где чинили пришедшие в негодность после стычек с миражами мечи, копья и топоры. Здесь между отрядами распределяли оружие, а после его, погрузив на крытые телеги, увозили в сторону границы Тени. В конце концов, именно здесь оружие заряжали магией так, чтобы оно разило миражей не только в темноте, но и на свету.

Я помню, папа говорил, что Фловелю срочно нужен еще один колдун. Вот только колдуны предпочитали бежать из Глора в Барк или Блирон – королевства, где магия не подвергалась гонениям. В нашем королевстве колдунов осталось так мало, что теперь их, прежде объявленных вне закона, высочайшим приказом решено было помиловать.

Да поздно. Десятки лет преследований сделали свое дело: людей, обладающих магией, катастрофически не хватало. Уговаривали магов соседних королевств, сулили золото, да те не слишком хотели рисковать.

Агнесса Реймс вон рискнула. И где она теперь? Развеялась прахом...

Поэтому все оружие Фловера заряжал магией только Тёрн. И сейчас в оружейку собрался именно с этой целью.

До оружейки пришлось пешком добираться через весь город. Она находилась на другом краю, у западных ворот. Еще издалека я уловила специфический запах раскаленного металла, слышала ржание лошадей, запряженных в повозки. Когда мы проходили сквозь узкую калитку, стражник скользнул по колдуну пристальным взглядом, но, видно, сразу узнал его – задерживать не стал. На меня, укутанную в плащ, он даже не посмотрел.

Запах металла стал резче, в уши ударил перезвон молотов по наковальне. Грязь под ногами забросали соломой и опилками, но это мало помогло. По привычке я подобрала было полы плаща, но потом посмотрела на свои уродливые ботинки и бессильно опустила руки. Я могу хоть вся извозиться в грязи – никто не обратит на меня внимания.

– Нам сюда.

Тёрн придержал меня за локоть и направил к небольшому деревянному строению, стоящему наособицу.

Внутри дома на скамьях уже были разложены только что выкованные мечи. В комнате с низким потолком витал особый маслянистый запах. У меня закружилась голова от усталости и голода, и я прислонилась к подоконнику.

Тёрн уже сосредоточил внимание на оружии и не смотрел на меня.

– Вот, господин Тёрн... – молодой десятник развел рука-

ми, будто пытаюсь охватить все пространство вокруг себя.

– Просто Тёрн.

– Да. Простите. Сказали, это вам надо зачаровать. Плата – десять золотых, как обычно.

– Обычно я беру плату десять золотых за десять мечей.

Здесь их больше.

Тёрн обвел взглядом скамейки. И я посмотрела тоже. Оружия приготовили гораздо больше – тридцать, а то и сорок мечей.

– Ну как же... – голос десятника сделался просительным и растерянным. – Мне сказали... Вот...

Он вынул из-за пазухи тощий мешок и потряс им, давая понять, что располагает только вышеозначенной суммой. Тёрн хмурился и молчал.

– Дела на границе уж очень плохи... – понизил голос десятник. – Сдерживаем ведь из последних сил. Лезут и лезут! Мочи нет! Уж много лет такого не было...

Колдун сжал губы. Его темные глаза остро сверкнули.

– Хорошо, – холодно сказал он.

Десятник не сдержал вздоха облегчения.

Тёрн закатал рукава плаща, а я, скучая, выглянула в окно. Видно, мы здесь надолго. По двору медленно брела лошадь, подбирая с земли сухие соломинки. Лошадь была похожа на нашу Зайку, такая же мышастая. Парнишка-рекрут взял ее под уздцы и потянул за собой.

Когда я снова посмотрела на колдуна, он уже принялся за

дело. Я ожидала каких-то магических слов или пассов, но Тёрн просто медленно шел мимо рядов, подняв обе ладони над скамьями. Там, где он проходил, мечи начинали светиться едва заметным, но все же явственным голубоватым сиянием.

А вот Тёрн бледнел на глазах. По лбу скатилась капля пота, и он быстро вытер ее тыльной стороной ладони.

«Так тебе и надо!» – подумала я и снова выглянула в окно.

И едва не вскрикнула. Не знаю, чего в моем крике было больше – радости или отчаяния.

Я снова увидела лошадь. Но только теперь она была запряжена в карету. В нашу карету, ошибиться я не могла: на дверце фамильный герб. Значит, это действительно Зайка. А в карете мой отец – генерал Даулет. Папа частенько навещался в оружейку: осматривал снаряжение, сам следил за тем, чтобы его отрядам поставляли только качественное, проверенное.

Прижав к стеклу ладони, я с ужасом следила за тем, как карета медленно продвигается к воротам. Еще минута – и ее будет не догнать.

– У меня голова кружится, – хриплым голосом прошептала я. – Я выйду на воздух.

Тёрн кивнул, не отрываясь от работы. А я рванула к двери, выпрыгнула за порог, не обращая внимания на то, что уродливые башмаки разбрызгивают грязь, на то, что капюшон болтается за спиной и сейчас кто угодно сможет увидеть

простоволосую и взъерошенную Агату Даулет.

Только бы успеть! Только бы успеть!

Карета повернулась ко мне боком, и я, не теряя времени даром, запрыгнула на подножку, распахнула дверцу и провалилась в темное, обитое бархатом нутро.

После яркого света я почти ничего не видела. Моргала, смахивая слезы. Но вот шевельнулась тень, и твердая рука легла на мою макушку.

– Агата?

– Папа? Папуля!

Я на ощупь, наугад кинулась вперед, обхватила отца за шею, уткнулась в плечо и разрыдалась. Он, помедлив, обнял меня.

– Папа, папочка, – жарко зашептала я. – Не отдавай меня. Пожалуйста, пожалуйста, не отдавай!

Глава 13

Спрятавшись за перилами лестницы, я подслушивала разговор отца с Тёрном. Еще в детстве я выяснила любопытную особенность этого закутка: акустика позволяла слышать каждое слово, а уродливое старинное зеркало в позолоченной раме, висевшее в пролете, отражало часть первого этажа, а именно входную дверь.

– Ярываю договор в одностороннем порядке, – хрипло повторил отец.

Он еще не повышал голос, но я уже ощущала в нем так хорошо знакомые мне властные нотки. Слуги, едва заслышав металл в голосе генерала Даулета, бледнели, а колдун не повел и бровью.

– Мне казалось, я недвусмысленно дал понять, что это невозможно...

– Ты недвусмысленно дал понять, – теперь в голосе отца гремел настоящий гром, вернее, приглушенные его раскаты: он еще старался держать себя в руках, – что моя дочь станет твоей ученицей. А ты... ты...

Отец нервно, быстро несколько раз ударил Тёрна пальцем в грудь. Он, мужчина, тоже не мог произнести вслух то, что я открыла ему в карете по дороге домой. «Он лишит меня невинности, – я плакала у отца на плече и, точно в детстве, честно рассказала обо всем, что случилось в доме колдуна. –

Он такой страшный... Папа, я не хочу...»

Тёрн понял. Он не отшатнулся, только внимательно посмотрел на руку отца, и тот сначала сжал ее в кулак, а потом опустил.

– Не хотел вешать на ваши плечи еще и этот груз, – прямо сказал Тёрн, однако, похоже, не раскаялся и не смутился. – Агата связана со мной неразрывно. Для всех будет лучше, если вы примете это как данность.

У отца сделалось такое лицо! Мне показалось, что он сейчас ударит Тёрна. Но отец только шагнул вперед, так что почти уперся своей широкой грудью в грудь колдуна.

– Убирайся из моего дома! – прошипел он. – Не вынуждай меня забыть о том, что ты сделал для моей семьи. Пока не поздно, прими оплату золотом. Чем угодно. Агату ты не получишь!

Тёрн молчал. Он не отступил, хотя отец стоял вплотную. Наверное, они даже слышали дыхание друг друга. Мой отец высокий и крупный, но в колдуне было что-то такое... Что-то, от чего отец вдруг сник и отошел назад, вытер покрасневшее лицо.

Тёрн чуть повернул голову, и мне почудилось, что его отражение в зеркале смотрит на меня.

– Агата, – тихо сказал он. – Мне нужно с тобой поговорить...

– Нет, – оборвал отец.

– Обещаю, что предоставлю ей выбор. Не уведу против

воли.

У меня внутри все тряслось от ужаса, но я должна была сказать что-то напоследок. Мои родители обязаны Тёрну. Не знаю, что он сделал для моей семьи, но, видно, что-то важное, если они согласились отдать первенца.

Медленно-медленно я спустилась с лестницы и подошла к колдуну, глядя в пол. Отец, крикнув, отошел.

– Агата, посмотри на меня.

Я подняла лицо. Мой родной дом, отец, что стоял неподалеку, мама, что ждала наверху, – все это придавало сил. Я заглянула в глаза Тёрну. Я думала, что увижу злость: птичка порвала сети и улетела. И тогда я стану торжествовать и упиваться победой. Но в темных глазах я не увидела досады или раздражения. Тёрн смотрел устало и серьезно.

– Агата, – тихо продолжил он. – Услышь меня сейчас. Ты подвергаешь свою семью огромной опасности.

Я вздрогнула, ожидая каких угодно слов, но не этих. Мои губы беззвучно произнесли: «Почему?»

– Ты первенец, обещанный мне договором на крови. Магическим договором. Если бы даже я хотел отказаться, ничего изменить нельзя. Когда тебе исполнилось восемнадцать, сработал спусковой механизм.

Тёрн приподнял брови, будто спрашивая, понимаю ли я, о чем речь. Я не понимала... Но кивнула.

– Сила, неподвластная даже мне, вырвала бы тебя из семьи любым способом. Привела бы тебя ко мне. Любым, по-

нимаешь?

Я слышала слова, и, кажется, они были очень важны. Но я мечтала лишь о том, чтобы этот мучительный разговор поскорее закончился. Я снова качнула головой.

– Уверен, ты сильно испугалась, когда я вытащил тебя из дома почти босиком. Я запретил твоему отцу вмешиваться. Но это был единственный способ обезопасить твою семью. Первенца можно забрать только так. Дать понять, что ты чужая здесь, что ты никому не нужна... Ты слышишь, что я говорю, Агата? Нам пора идти. Чем быстрее, тем лучше.

Идти? Я испуганно отшатнулась. Умиротворение слетело с меня.

– Нет, нет!

Тёрн попытался взять меня за запястье, но я вырвала руку, лишь только прохладные пальцы дотронулись до кожи.

– Ни за что! – крикнула я.

Отец выступил из тени, обнял.

– Тебе пора, колдун, – процедил он сквозь зубы, с трудом сдерживаясь.

Тёрн на мгновение прикрыл глаза, будто борясь с головокружением.

– Ты знаешь, где меня найти, Агата, – сказал он перед тем, как покинуть наш дом.

Я видела, что за ним закрылась дверь, и едва не закричала от радости. Это правда. Я свободна!

Это был счастливейший день моей жизни.

Еще каких-то три дня назад я бы, возможно, посчитала его обычным. Ведь нет ничего особенного в объятиях мамы и сестер. В том, что Ирма перебирает мои волосы, заплетая из них косички. Прежде я бы прогнала назойливую младшую сестренку, а теперь млела от прикосновений ее горячих неловких ручек. Корн держался, строил из себя взрослого парня, но потом все же не выдержал, обнял, увлажнив мое ухо слезами. И потом этот жеребенок попытался взгромоздиться ко мне на колени, позабыв, что вымахал выше меня ростом. Даже глупые шутки Верна забавляли. Но гораздо сильнее растрогало то, что он шепнул, пока никто не слышит: «Я чуть с ума не сошел».

Мое сердце разрывалось от любви и нежности.

И не было ничего особенного в ванне горячей воды, в земляничном мыле, и в сладких булочках, и в шипящей сладкой воде, и в шелковых простынях... Только сейчас я посмотрела на все это другими глазами и ценила, и благодарила за каждый прожитый миг.

Вечером мы все собрались в гостиной. Даже Верн, который до недавнего времени предпочитал семье компанию друзей.

Никто не спрашивал, что мне пришлось пережить за эти

два дня. Да я бы и не посмела произнести вслух. Но мама, кажется, все знала и понимала. Она держала меня за руку, гладила пальцы и время от времени проводила ладонью по щеке, будто хотела удостовериться, что я действительно здесь, рядом с ней. «Моя девочка», – бормотала она.

Мы разговаривали о пустяках. Смеялись и веселились, словно неожиданно наступил праздник Осенних Даров, вот только без гостинцев. Хотя нет, это ведь я стала сегодня главным подарком для своих близких!

Горничная принесла вечерний взвар и пирожные. Я забралась с ногами на диван и медленно пила, откусывая крошечные кусочки от лакомства, смаковала. Ирма задремала, прижавшись к моему боку, а Ада сидела на полу, задумчиво накручивая на палец прядь моих волос.

Было так хорошо. Так спокойно.

– Папуля, – окликнула я отца, который сидел в кресле, рассеянно листая книгу. – А что, раньше в Глоре была магическая академия?

Именно книга в руках отца натолкнула меня на эту мысль: я вспомнила учебник, который принес Тёрн.

Отец едва заметно нахмурился.

– Да. Но это было очень давно. Я в ту пору был несмышленным шалопаем. Мне было лет пять-шесть вроде бы.

Он отложил книгу и погрузился в воспоминания. Все эти годы они лежали на дне памяти, и теперь, извлеченные на свет, воспоминания шестилетнего мальчика пробудили в су-

ровом генерале Даулете давно забытые чувства. На лице отца появилось удивленное выражение.

– А ведь я видел последний день академии.

– Папуля, расскажи... – тихо попросила я, и хором за мной эту просьбу повторили все, кроме Ирмы, которая на тот момент уже спала.

– Ну что же. Вы ведь не осудите старого вояку, который не знает красивых слов?

Мой грозный папуля выглядел смущенным, и мы стали верить его, что обрадуемся простому рассказу.

– Случилось это вскоре после того, как разоблачили заговор колдунов. Конечно, старому Эрнилу это уже не помогло. На тот момент правитель был мертв. А ведь он верил своему придворному магу, как близкому другу... Пошли массовые аресты. Начались казни. Кто-то говорил, что маги получили по заслугам. Мой отец, ваш дед, был осторожен в высказываниях, но я чувствовал, что он против того, что происходит. Особенно когда стали поговаривать о том, что академию нужно закрыть, а всех колдунов, тогда их и стали звать колдунами, призвать к ответу. Еще не было прямых указов, а несколько адептов уже пострадали. Погиб парнишка, молодой еще совсем. И девочка... С девочкой совсем темная история вышла. Говорят, стражников, что ее убили, потом тоже нашли мертвыми. И без...

Мама шикнула, отец моргнул и, видно, вспомнил, кто сейчас слушает его рассказ.

– Я тогда с семьей жил в столице, как раз неподалеку от академии. Утром, бывало, с балкона любовался ее высокими белыми стенами, в лучах рассветного солнца они казались розовыми... Так, о чем я? Да! Все-таки многие надеялись, что академию не закроют. Чудно это – остаться без магов. Но аресты продолжались. Казни каждый день... И уже непонятно было, кто прав, кто виноват. Адепты почти перестали выходить за территорию академии. А однажды видим: стягиваются к академии королевские гвардейцы. Много. Наверное, все отряды, какие были. И люди со всех сторон города тоже начали стекаться. И мы с отцом пошли. Отец посадил меня на шею, и я все хорошо видел. Живое море людей. Гвардейцы в зеленых мундирах. А чуть дальше площадь перед академией, вымощенная белым мрамором. Я еще удивился: тут толпа, а там ни одного человека. Почему гвардейцы дальше не идут? А они, оказывается, не могли пройти. Он поставил магический заслон.

– Кто? – осторожно спросила я.

– Кто? Ректор академии, конечно. Я плохо слышал из-за гула, о чем с ним переговаривается командир гвардейцев. Командир злился, тряс гербовой бумагой. Хотя что тут гадать – требовал впустить. Ректор же стоял и будто не слышал. Смотрел поверх голов всех этих людей. Так, точно он один на площади и больше никого нет. И держал заслон. Один против всех. Вот странно, я совсем не помню его лица. Не помню, сколько лет ему было. Папа как-то назвал ректора маль-

чишкой, но мне-то, ясное дело, он казался взрослым мужчиной. Но почему-то отлично помню его прямую спину. И то, как на лоб свешивается прядь темных волос. Непривычно это было, ведь обычно прическа у ректора – волосок к волоску. А еще помню воротник.

– Воротник? – приподняла голову Ада.

Я тоже удивилась такой детали. И папа, мне показалось, смутился.

– У преподавателей очень красивая форма была. Мне, мальчишке, она очень нравилась. Но больше всего нравилась у ректора этот воротник. Черный, высокий – под горло, и на нем серебряная вязь. А уголки острые, с металлическими вставками. От лучей заходящего солнца казалось, будто на них дрожат огоньки. Вот как сейчас вижу расправленные плечи, прядь черных волос и серебристые звездочки на воротнике. А когда совсем стемнело, черное небо внезапно озарилось вспышками. Точно фейерверк начался. Все ахнули: с чего бы?! Не сразу догадались, что это вовсе не фейерверк, а вспышки телепортов прошивают защитный купол. Ректор знал, что так будет, давал время своим адептам подготовиться и уйти. Почти все маги покинули в тот день королевство. А я до сих пор думаю, скольких смертей удалось избежать...

Папа молчал, и мы молчали тоже. Я как наяву видела ректора академии, а сердце ныло непонятно от чего. Сделалось одновременно и легко, и грустно.

– А потом?

– Потом...

Папа глубоко вздохнул и огляделся затуманенным взглядом – он будто только сейчас вспомнил, где находится. Хлопнул себя по коленям и встал.

– А потом послушные дети пошли спать!

– Ну па-ап, – протянула Ирма, которая, оказывается, давно проснулась и прислушивается к истории.

– Академия пропала, – выдал папа, и мы все замерли с открытыми ртами.

– Как это? – опешила я.

– А так. Встали утром, а на месте академии пустырь. И больше никто ее никогда не видел. Тут и сказочке конец, а кто слушал, молодец.

Мы рассмеялись. Обнялись, желая друг другу спокойной ночи.

Это был счастливейший день.

А следующим утром все рухнуло...

Глава 14

Я проснулась и долго нежилась в постели: никто меня не тревожил.

Утром к братьям приходили учителя, а мы с сестренками занимались музыкой. Девочкам в других семьях часто нанимали гувернанток, но после того как мы подросли и перестали нуждаться в няне, мама сказала, что сама станет воспитывать дочерей и научит всему, что должны уметь будущие жены и хозяйки.

Правда, мама была слишком мягкой для того, чтобы стать хорошей воспитательницей. Баловала нас. Потому, наверное, многое мне придется постигать самой, когда я выйду замуж за Даниеля.

Я прислушалась к звукам наверху, надеясь услышать переборы струн. Неумелые руки Ирмы исторгали из арфы душераздирающие стоны, зато Ада играла уже вполне прилично. Я сразу смогу понять, кто из сестер сел за инструмент. Но в комнате для занятий было тихо.

Вместо этого раздался стук в дверь, а чуть позже в приоткрытую щель просунулись две растрепанные головки.

– Агата, можно к тебе? – спросила Ада.

– Конечно!

Я потеснилась, освобождая место для сестренки, и скоро мы втроем устроились на подушках, подоткнув под себя

одеяло, чтобы утренняя весенняя свежесть не холодила ноги. Ирма лежала посередке и сияла от радости: не так часто старшие сестры разрешали ей стать свидетельницей их взрослых разговоров.

– Я так скучала, Аги, – прошептала она. – А почему папа тебя наказал?

Она, глупенькая, даже не поняла, что случилось. Подумала, что меня отдали колдуну в услужение за какую-то провинность.

– Ты ведь теперь будешь слушаться, да, Аги? – беспокойно спросила она. – Я так испугалась! А что ты там делала?

Наклонившись, я поцеловала сестренку в макушку и встретила с тревожным взглядом Ады. Она хотела спросить, но рядом с Ирмой не решалась.

– Да ничего страшного, – преувеличенно бодро сказала я. – Убиралась, готовила еду! Как настоящая служанка!

«Потом расскажу», – взглядом ответила я на безмолвный вопрос Ады.

– О-о-о, – прочувствованно протянула Ирма. – Жу-уть!

Мы еще немного повальялись, и я постаралась вспомнить и пересказать смешные моменты, умолчав о страшном или сгладив.

– А дом у него заколдован, ни за что не уйдешь против воли! – Я рассказала, как шла по грязи, но так и не добралась до дороги. – Интересно, как давно там стоит этот дом, – вслух подумала я, пытаясь припомнить, слышала ли я о прежних

жильцах мрачного места.

– Вроде очень давно, – ответила Ада. – Бабушка рассказывала, что он был еще тогда, когда она была девочкой. Но в ту пору он стоял покинутым. Даже не знаю, когда там поселился колдун.

Одно ясно, он живет там достаточно долго, всю мою жизнь. Сидел, выжидал, точно паук в паутине, когда же ему достанется его жертва. А жертва-то ушла из-под носа! Настроение мигом улучшилось, едва я об этом подумала.

– Битва подушками! – крикнула я, вспомнив нашу детскую забаву.

И тут же, без предупреждения, вытянула из-за спины Ирмы подушку и легонько шлепнула сестренку по макушке. Она радостно взвизгнула и бросилась в атаку.

Втроем мы скакали на кровати, как дикие кошки, не обращая внимания на то, что во все стороны летит пух. И хохотали как ненормальные. Было так весело!

Я плохо разглядела, что случилось. Только что Ада радостно смеялась, а в следующую секунду ее нога соскользнула с края кровати. Сестренка взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, но ничего не вышло, и она неловко рухнула вниз, по дороге зацепив стеклянный графин, что стоял на прикроватном столике.

Раздался звук падающего тела. Звон разбитого стекла. А следом крик, полный боли и страха.

– Ада! – крикнули мы одновременно с Ирмой, бросаясь

на помощь к сестре.

Ада распласталась на полу, вокруг нее лежали осколки графина. Бедняжка упала так неловко, что все руки оказались посечены осколками. Из порезов, больших и маленьких, сочилась кровь. Она приподняла голову, увидела, что с ней приключилось, и залилась слезами.

– Быстро зови маму, – шепнула я побелевшей Ирме.

А сама сдернула с кровати простыню и попыталась, как могла, остановить кровотечение.

– Не бойся, не бойся, – повторяла я. – Ты не сильно поранилась. Сейчас все пройдет!

– Я буду уро-одкой, – рыдала Ада, но я, как ни странно, вздохнула с облегчением: если сестра переживает о внешности, значит, умирать пока точно не собирается.

– Ерунда. – Я старалась, чтобы мой голос звучал оптимистично, хотя внутри все дрожало от ужаса. – До свадьбы заживет!

Прибежала мама, ахнула, всплеснув руками, но почти сразу овладела собой. Послала за теплой водой и бинтами. В комнату ворвался папа, подхватил Аду, отнес вниз, к камину. Братьев, которые тоже переживали, но не знали, как помочь, отослал за врачом. Началась суета, но от сердца у меня отлегло. Было ясно, что жизнь Ады вне опасности, и врач подтвердил это. Он наложил несколько швов на особенно глубокие порезы, выписал сестренке маковое молочко, чтобы снять боль, и спустя пару часов в доме установилось от-

носительное спокойствие.

Всех потряхивало, но волнение уже отпускало. Ада возлежала в ворохе подушек, как королева, и слабо стонала. Однако, судя по ее хитрому виду, сестренка оценила выгоду своего положения и решила воспользоваться ею по полной. Она жалобно просила то развести в камине огонь, то принести ей горячего взвара, то, напротив, требовала, чтобы ее обмахивали. И все беспрекословно подчинялись.

Не знаю почему, но я чувствовала себя виноватой. Ведь это я начала битву подушками. Хотя я не толкала ее, и мне, в общем, не за что было себя корить. Так бывает... Просто случайность!

К обеду мы все немного пришли в себя, и тогда случилась вторая крупная неприятность. Верн обварился кипятком. Служанка, как обычно, принесла на подносе чайник, который только что сняла с плиты и собиралась водрузить его в центр стола. Но фаянсовый чайник, служивший нашей семье верой и правдой много лет, внезапно лопнул, когда Тисса наклонилась. От неожиданности она разжала руки, роняя поднос.

По большей части кипяток пролился на пол и на стол, намочив скатерть, но досталось и Верну. Брат с воплем вскочил на ноги. Воспитание не позволило ему стянуть брюки прямо на глазах матери и сестер, и Верн опрометью бросился наверх. Отец и Корн побежали следом.

Вернулся только отец. Его взгляд скользнул по Аде, что

приподнялась на подушках, ожидая известий, по нашим напряженным лицам. Глядя, как он осунулся от переживаний, я готова была подумать о самом худшем.

– Все хорошо, – сказал он, и мы с облегчением переглянулись. – От ожога останутся волдыри, но ничего страшного не случилось. Корн решил составить Верну компанию, а мы, пожалуй, продолжим обед.

В полной тишине мы закончили трапезу.

– Ну и день сегодня, – вздохнула мама. – Все наперекосяк.

А меня снова затопило чувство вины. Но почему? Ведь я ничего не сделала...

Глава 15

После обеда отец уехал по делам, а мы остались в гостиной. Мама читала, Ада дремала на диване, а мы с Ирмой расположились на полу у ее ног и вышивали. Я обнаружила свою незаконченную вышивку на полке у себя в спальне и обрадовалась ей, как доброй знакомой. Теперь я пыталась закончить бутон цветка, но стежки ложились неровно. Маленькая сестренка и вовсе запутала нитки. Она сидела такая грустная и бледненькая, что я обняла малышку, прижала к себе.

– Все наладится, – шепнула я ей.

Ирма кивнула, пряча глаза, а на ресницах дрожали слезинки.

– Так жалко Аду и Верна. Будто какая-то злая сила поселилась у нас дома...

Я вздрогнула и невольно оттолкнула Ирму.

– Глупости!

– Девочки, не ссорьтесь, – немедленно вмешалась мама, но было заметно, что она думает о чем-то другом.

Время шло, солнце потихоньку стало клониться к закату. Скоро вернется папа, сядем ужинать, все будет хорошо. Просто день такой невезучий.

– Мамуля, что-то меня знобит, – подала голос Ада.

Огонь в камине почти прогорел, и мама встала, чтобы подложить в пламя поленце-другое. Она отодвинула защитный

экран, присела на корточки и пошуровала кочергой. Сонные угольки налились алым, зашипели, вверх взметнулись искры.

Мы тысячу раз пользовались камином и всегда были осторожны. Никто не мог ожидать того, что случилось. Я пропустила момент, когда рыжее пламя перекинулось на мамину юбку, но та вспыхнула, словно факел. Мама растерянно вскрикнула, будто не верила своим глазам. Наверное, ей пока было не больно: пышная юбка не давала огню ожечь кожу, но выглядело это так страшно, что мы с сестрами остолбенели.

– Ма-ам, – осипшим голосом прошептала Ирма.

И ее тихий писк привел меня в чувство. Я кинулась к вазе с цветами, что стояла на подоконнике, выкинула букет и окатила горящую юбку водой. Но огонь не собирался сдаваться просто так, он уже перебрался на рукава.

– Падай, падай! – закричала я маме.

Подскочила Ада – и откуда только силы взялись – с покрывалом в руках. Мы сбивали пламя, но оно снова и снова оживало.

– Ирма, воды! Неси воды!

Однако от перепуганной Ирмы было мало толку: она присела на корточки и редела в три ручья. Просто чудо, что именно в этот момент вернулся папа. Он кинулся к маме, укрыл ее покрывалом и навалился сверху, туша огонь. И тот наконец погас.

– Что же это, что же это... – бормотала Ада.

Пошатнувшись, она села на пол. Я обвела комнату ошумевшим взглядом, не веря, что такое возможно. Остро пахло дымом, хлопья сажи летали над полом. Мама стонала, Ирма икала от страха.

– Папа... – прошептала я.

Мои глаза встретились с глазами отца. Мой любимый папа смотрел сурово, его взгляд будто обвинял меня в чем-то. Но вот он моргнул, и гнев стерся с его лица.

– Ирма, Агата, поднимайтесь в свои спальни и не покидайте их, пока я не скажу, – приказал он.

Я поднялась в свою комнату точно во сне. Еще вчера я была счастлива, а теперь словно злой рок глумился над моей семьей. Я присела на край кровати и прикрыла глаза.

И очень-очень четко увидела лицо колдуна и вспомнила его слова.

«Агата, услышь меня сейчас. Ты подвергаешь свою семью огромной опасности...»

«Нет, нет, это неправда! – мысленно заспорила я с ним. – Это невозможно!»

Но воспоминание оказалось настырным.

«Сила, неподвластная даже мне, вырвала бы тебя из семьи любым способом...»

Вскрикнув, я подскочила на ноги и стала нарезать круги по комнате, покусывая кончики пальцев. Я ничего не знала о магии и договоре и, признаться, не хотела знать, но если

это из-за меня несчастья обрушились на моих близких, то я должна бежать. Бежать как можно быстрее...

Но разумная, а может быть, трусливая часть меня нашептывала: «А вдруг это просто совпадение? погоди, не спеши. Уйти ты всегда успеешь!»

В нерешительности я застыла напротив зеркала. Бледная девушка с растрепанными волосами и потемневшими от ужаса глазами посмотрела на меня из отражения.

– Аги, можно?

Я вздрогнула, не сразу сообразив, что это маленькая Ирма стоит на пороге. Вид у сестренки был такой несчастный, что я не решилась выгнать ее. Махнула рукой, приглашая.

Ирма вздохнула и поплелась к своему любимому месту в моей комнате. Она давно облюбовала широкий подоконник, даже устроила себе там гнездышко, наложив подушек. Вот и теперь она забралась в свой домик и сидела в нем, точно нахохлившийся воробей.

– Пока тебя не было, я каждый вечер приходила в твою комнату и сидела здесь, глядя в окно, – призналась сестренка. – Все смотрела на дорогу и загадывала: если смогу не моргать пять минут, то ты обязательно появишься. Но ты так и не пришла...

– Вот, я здесь, – тихо сказала я.

Подошла и обняла маленькую теплую Ирму, прижалась щекой к ее щеке.

В этот момент раздался какой-то треск. Я не поняла, что

происходит. То ли рвется портьера, то ли лопается штука-турка. Я действовала скорее по наитию, чем осознанно. Подхватила Ирму на руки и бросила ее на пол – благо там лежал ковер с толстым ворсом, – а после закрыла собой.

Треск перешел в звон, вокруг меня сыпались осколки, только тогда я поняла, что расколосось оконное стекло. Каждую секунду я ожидала, что в спину вопьется осколок, острый, точно нож. И действительно, шею возле ключицы ощутимо кольнуло. Но, похоже, это было единственное ранение.

Когда все стихло, я подняла голову и огляделась. Спальня оказалась завалена битым стеклом, с волос посыпалась стеклянная крошка. В пустые рамы ворвался ветер, пузырем надувая занавески. Но мы с Ирмой, кажется, остались невредимы, если не считать осколка у моей шеи.

– Ты как? – спросила я сестренку.

Та испуганно кивнула. Я осмотрела Ирму и не заметила порезов, только после этого решила заняться собой. Подошла к зеркалу, отодвигая воротник. И ахнула.

– Что, Аги? Что случилось?

– Ничего, ничего, все хорошо... – пробормотала я, а сама, не веря своим глазам, продолжала разглядывать ключицу.

Нет, осколок меня не поранил. Но моя родинка в форме звезды изменилась. Один из ее лучей бесследно пропал, теперь их осталось четыре.

Что это могло означать? Если учесть, что я уцелела под градом осколков, то, возможно, родинка и есть та самая ма-

гическая защита. И у меня, выходит, пять жизней. Вернее, теперь на одну меньше.

А что же родинка Тёрна? Что она означает? Почему у него только четыре луча? Я тряхнула головой, прогоняя ненужные сейчас вопросы.

На шум сбежались родные. Нас ощупали, отряхнули, заставили переодеться.

Я была точно во сне. За ужином не ощутила вкуса тефтелей и даже, кажется, съела их вместе с соусом.

Одно радовало – мама не сильно обожглась, да и Верн сумел спуститься к столу. Ада, хотя и осталась на диване, уже сидела, обложенная подушками, и ела с аппетитом. С моей семьей все было в порядке. Пока...

– Аги сегодня ночует у Ады в спальне, – сказал папа. – Завтра вставим новое стекло. Ада пока останется в гостиной под моим присмотром.

Ада расцвела. Папа собирался дежурить у ее постели, и сестренке это польстило.

А я... Трудно сказать, что я чувствовала сейчас... Целый коктейль чувств. Но сильнее всего печаль, ведь сегодня мне придется оставить семью – и, скорее всего, навсегда. Я ничем не выдала своей грусти и смятения, однако, отправляясь в спальню, обняла всех по очереди крепко-крепко.

– Все устроится, Агата, – сказал папа, целуя меня в щеку. «Да, папочка, у вас все устроится...»

Я не собиралась ложиться спать. Время от времени я под-

ходила к двери и прислушивалась к тому, что происходит в доме. Постепенно звуки стихали – братья, Ирма и мама ушли спать, слуги разбрелись по комнатам. Я представила Аду, которая дремала на диване в гостиной, и папу, что устроился в кресле у камина с книгой в руках.

Когда часы внизу пробили два часа ночи, я начала собираться. Аде недавно подарили костюм для верховой езды. Я не очень любила выездку, поэтому отказалась от костюма, но теперь он мне пригодится. Надеюсь, сестренка не сильно обидится. Хорошо, что за последний год Ада вытянулась и догнала меня – костюм пришелся впору.

Непривычно было чувствовать себя в брюках, но платье не годилось для того дела, что я задумала. Я поддела под замшевую куртку теплую кофточку и прихватила шарфик, чтобы повязать на голову: ночь выдалась холодной. Из вазочки выгребла мелочь – нам выдавали карманные деньги, но немного.

Осторожно, стараясь не шуметь, я открыла окно и выглянула наружу. Морозный ветерок иголками защищал кожу, но я буду двигаться и не замерзну. Хорошо, что сегодня новолуние: темная ночь добавляла шансов выбраться из дома незамеченной.

Разве могла я подумать, что всего через день после возвращения захочу по собственной воле покинуть родной дом?

Окно спальни Ады располагалось невысоко над землей, я зацепилась руками за подоконник и спрыгнула.

Я не собиралась идти к воротам, где меня немедленно заметят и сообщат отцу. К счастью, я давно изучила изгородь вдоль и поперек и знала, где расшатались колья, а где можно перелезть поверху, вскарабкавшись по стволу.

Прежде чем уйти, я прокралась к окошку гостиной и, пытаясь не выдать себя, заглянула в комнату. Ада спала, подложив ладони под щеку, она выглядела такой беззащитной. И папа спал, вытянув длинные ноги: на его груди лежала раскрытая книга.

– Я люблю вас, – прошептала я.

А потом торопливо, не оглядываясь, поспешила в сад. Уже очень скоро я выбралась на дорогу. Я знала: если пойду по ней направо, на восток, то выйду к развилке перед домом колдуна. А если пойду налево, то окажусь у западных ворот, ведущих из города. В том направлении отправлялись военные обозы, туда уходили вооруженные отряды. На западе располагалась граница Тени. Где-то там Даниель...

Вздохнув, набравшись смелости, я поспешно и решительно зашагала к западным воротам.

Глава 16

У меня не было плана, я плохо представляла, куда двигаться, знала только, что крепость, где несет службу Даниель, называется Черный Яр и располагается у южного отрога Сагосских гор. Выбравшись из города, я шагала всю ночь напролет по пустынному тракту. Надежда на то, что я встречу телегу или обоз, который бы двигался в направлении границы Тени, не оправдалась. Под утро я уже с ног валилась от усталости, но здесь, в степи, негде было притулиться, чтобы передохнуть. Разве что лечь прямо на землю!

Я медленно брела, глотая пыль, когда со мной поравнялась телега.

– Эй, малютка, ты куда это направляешься?

Я оглянулась и увидела, что правит лошадью рябой мужичок из простых. За его спиной возвышалась гора мешков. Не оружие и не еда. Возможно, амуниция. И движется он нужном направлении!

– Я должна попасть в Черный Яр, – не стала юлить я.

Возница с любопытством оглядел меня, по лицу скользнула усмешка.

– Очередная девица убежала из дома к жениху, – хмыкнул он. – Возвращайся домой, глупая, пока родители не хватились. Тебе здесь не место.

Я вспыхнула. «Вы ничего не знаете!» – хотелось сказать

мне. Но какие бы слова я ни придумала для оправдания, в целом история звучала как десятки подобных историй. Навивная влюбленная дурочка бросилась на поиски жениха.

– Я заплачу... – дрожащим голосом произнесла я, выгребая из кармана монетки. – А если... Если не возьмете, я все равно пойду дальше! Пешком!

Мужичок прищурился.

– Ох, упрямая! Ну залазь! Так и так скоро папка отыщет и задницу напорет!

Уговаривать не пришлось. Перемахнув за бортик, я с наслаждением растянулась на мешках. От мерного раскачивания телеги немедленно навалилась дрема, но возница скучал и был настроен поболтать.

– А сама-то кто? Городская?

– Да, из Фловера.

– А из каких?

У меня было время обдумать ответ как раз на случай таких вопросов.

– Отец держит книжную лавку, – выпалила я.

Это объясняло мою недешевую одежду и чистую речь, но в то же время за дочерью лавочника не вышлют поисковый отряд.

– А кто в Черном Яре у тебя? Жених? Как зовут?

Возница обернулся, я почувствовала на себе его внимательный взгляд.

– Жених, да...

Сына генерала Винтерса вполне могли знать и пределами крепости, а я вовсе не хотела навлечь на голову Даниеля неприятности.

– Ал... Ал Рин. Он служит в сотне командира Винтерса.

Все же имя Даниеля прозвучало, но я надеялась, что это лишь придаст моему рассказу достоверности.

– А, командир Винтерс. Из молодых да ранних. Вроде хвалят его. А про твоего парня, прости, не слышал. Только до самого Черного Яра я тебя не доведу. Мне в главный гарнизон. К вечеру будем на месте. Оттуда до крепости идти километра три-четыре. Может, подвезет кто. – Он хохотнул. – А что вернее – заметят девицу и посадят под замок, а потом назад отправят. Знаешь, сколько вас таких прибегает!

Мужичок еще что-то говорил, но, так и не дождавшись ответа, покосился и замолчал.

Телега скрипела, качалась, убаюкивая меня. Я проспала почти всю дорогу. Очнулась лишь раз, когда колесо налетело на камень и меня подбросило на досках. Выглянув за борт, я увидела невдалеке заброшенную деревню: заросшие бурьяном дворы, покосившиеся ставни, выбитые окна. Ржавая калитка скрипела под порывами ветра, будто стонала, и я еще долго слышала ее протяжный плач.

Печальное место. Миражи добрались сюда после появления Разлома, заняли тела жителей. Их чудом удалось остановить на подходе к Фловеру, а ведь мой городок первый на пути жутких тварей.

Я снова погрузилась в дрему, а очнулась оттого, что мужичок тряс меня за плечо.

– Вставай, девица, прибыли. Мне разгрузиться бы надо, лошадку покормить. Хочешь, ночуй в конюшне, в телеге. Места хватит.

– Нет-нет, спасибо!

Я спрыгнула на землю, настороженно оглядываясь. Почти за девятнадцать лет Противостояния гарнизон разросся до размеров небольшого городка. Насколько я могла судить по рассказам папы, прежде палатки стояли в открытом поле, еду готовили на кострах. Сейчас же поставили добротные казармы, построили кузни и конюшни.

Мой попутчик был прав, предупреждая, что девицу, рванувшую в армию за женихом, быстро обнаружат и вернут домой. Наверное, именно на это он и рассчитывал, предлагая заночевать в телеге. Возможно, первый сдал бы командиру. Вон, мол, очередная влюбленная дурочка пожаловала, берите под белы ручки.

– Спасибо, но мне пора, – снова поблагодарила я.

И, обмотав лицо шарфом, я поспешила в ту сторону, где темнел на фоне вечернего неба южный отрог Сагосских гор – Великанье Ребро. Где-то рядом, насколько я могла судить по рассказам Даниеля, находилась крепость.

Я надеялась, что не сойбюсь с дороги и успею в Черный Яр до захода солнца. И не знала, что будет потом... Наверное, думала, что, когда увижу Даниеля, все образуется само

собой. Да и просто некуда было больше пойти...

Глава 17

До захода солнца я не успела, хотя шла быстро, но расстояния в степи обманчивы, а я, как выяснилось, сильно забрала к югу и едва не проскочила мимо крепости.

Местность просматривалась до самого горизонта, но башня и стены Черного Яра, сложенные из камней, слились со скалой, да еще и заходящее солнце слепило глаза. В какой-то момент я испугалась, что сейчас проскочу мимо крепости и выйду напрямиком к Разлому. А там миражи... Я поежилась от страха.

Но все же дозоры на границе Тени знали свое дело: незамеченной я не прошла. Сначала услышала топот копыт, потом грозный окрик:

– Стоять!

Меня нагоняли всадники, одетые в темное: черная форма, темно-коричневые панцири, даже шлемы и мечи – и те вычернены. Считалось, что миражи хуже видят людей в темной одежде. Хоть какая-то защита.

Они спешили, направив на меня лезвия клинков. Обычных, не магических: хотя солнце еще не село, но уже сделалось сумрачно, а значит, миража сумеют уничтожить и обычные мечи.

– Я человек! – пискнула я.

Дозорные переглянулись. Один из них был ровесником

моего отца, а другой еще очень молод, очевидно, из рекрутов.

– Разговаривает, – сказал он напарнику. – Обычная девка.

– Погодь, – откликнулся тот. – Может, уже тварь в ее теле, это сразу не видно. Дай проверю!

Он опасливо, не опуская клинка, подошел на шаг, вынимая из кармана амулет – кусок кварца на шнурке. Кварц слабо светился голубым и не изменил своего сияния, оказавшись рядом со мной.

– И что? – хрипло поинтересовался молодой. – Как оно должно быть?

Пожилой почесал голову.

– Да вроде полыхнуть должен...

Он пристально взгляделся в мое лицо, а я опустила шарфик, давая рассмотреть себя. Дозорные, расслабившись, вернули мечи в ножны.

– Ты чья такая ненормальная? – весело спросил парень. – И что делать с тобой на ночь глядя? Одну в гарнизон не отпратишь.

– И дозор мы не бросим! – мрачно подтвердил второй мужчина. – Доставим в крепость. Пусть командир сам разбирается.

Я едва не подпрыгнула от радости, ведь именно этого я и добивалась. Молодой дозорный помог мне взобраться на лошадь. Я улыбнулась про себя, что костюм для верховой езды пригодился. Лошадей повели шагом, взяв под уздцы.

Мои провожатые переговаривались между собой, думая, что я их не слышу.

– Сегодня еще тихо. Повезло нам, Мох.

– У нас участок спокойный. Далече от границы самой, – угрюмо пробормотал мужчина, не разделяя радости юнца. – Вчера вон Веньку разорвали. Что-то распоясались твари...

– Ну ничего, обещали же нам еще сотню прислать. С четырьмя-то сотнями в крепости даже муха мимо не проскользнет. Не то что мираж.

Однако голос у молодого сделался уже не таким убежденным, и дальше они шли, погружившись в молчание. И я молчала тоже, с тревогой всматриваясь в темноту, против воли ожидая появления жутких созданий с белыми овалами лиц. Удержат ли миражей три крепости и гарнизон, если они действительно решат прорвать оборону? Я вовсе не была в этом уверена.

Но вот из сумрака выступила серая башня, окруженная каменной стеной, и другая тревога заполнила сердце. Что скажет Даниель, увидев меня? Знает ли он о том, что случилось?

– Эй, кого везете? – окликнул стражник у ворот.

– Да невестушку очередную! – весело ответил паренек.

Дозорные сдали меня с рук на руки и двинулись в обратный путь. Стражник, ворча, повел меня за собой мимо казарм к добротному трехэтажному строению, где светились окна первого этажа.

– Сейчас напрямиком на командирский ужин заявишься, – желчно пыхтел парень. – Устроит же он тебе выволочку!

Командирский ужин... Конечно, командир крепости и три его сотника трапезничали отдельно. Да и жили как раз в этом доме. Я окинула беспокойным взглядом темные окна, будто боялась, что за одним из них стоит Даниель. Конечно, он никак не ожидает моего появления. Сердце щемило и трепыхалось. Если командир Черного Яра скажет мне хоть одно грубое слово, я просто разревусь у всех на глазах.

– Иди! – стражник толкнул дверь.

Передо мной оказался темный коридор, пахнуло теплом и особым мужским запахом – ароматом курительных трав. Эта мода пришла к нам из-за моря, травы привозили торговцы, и стоили они недешево. Папа иногда тоже баловался: сворачивал из тонкой бумаги трубочки, зажигал и вдыхал дым. Я плохо могла представить, что и Даниель, мой Даниель, который недавно был совсем мальчишкой, может курить смеси.

Изнутри дома неслись громкие, даже грубые голоса. Кто-то выкрикнул скабрзность, остальные расхохотались. Нерешительно я застыла на пороге, не зная, как шагну в комнату, заполненную дымом и мужчинами.

– Иди-иди, – повторил провожатый и, взяв меня за плечо, повел за собой.

Командирская столовая оказалась примерно такой, как я себе представляла. Пусть крепость и стояла у границы Тени, но даже здесь не обошлось без определенного лоска. Диваны

и кресла обтянуты темным бархатом, лакированные стулья, гобелены на стенах. Хотя без должного ухода мебель изнасилась, кое-где виднелись прожженные пятна, да и во всем чувствовалась небрежность, свойственная мужчинам.

В комнате находилось больше десяти человек. Наверное, пригласили кого-то из отличившихся десятников. Прислуживали рекруты. Я встала в дверях, моргая от яркого света, и никак не могла разглядеть лиц. Дыхание прерывалось от волнения. А присутствующие моментально замолчали, их взгляды обратились ко мне.

– Агата? – раздался строгий голос.

Высокий человек, в чьих черных волосах поблескивала благородная седина, поднялся с места. Я узнала его. Это был Аррил Вейр, один из знакомых отца. Он бывал на приемах в нашем доме вместе со своей семьей.

– Да... – прошептала я.

– Агата! – раздался такой родной голос.

Я прижала руки к груди, силясь успокоить мечущееся сердце.

– Даниель, – одними губами произнесла я, обводя глазами комнату.

Молодой мужчина в расстегнутом кителе сидел, развалившись в кресле у стены, закинув ноги на чайный столик. В пальцах его была зажата курительная трубочка, и столбик пепла в ту секунду, когда я посмотрела на него, упал на пол. Мне показалось, что я услышала голос Даниеля с этой сто-

роны. Но... Разве это может быть он?

Тут парень затушил трубочку в плоской подставке, вскочил на ноги, расплываясь в улыбке. Я узнала ее, нахальную, открытую, такую же, как в детстве. Помню, многие шалости сходили Даниелю с рук благодаря этой улыбке.

Уже плохо понимая, что творю, я шагнула вперед, протягивая руки. Под взглядами всех этих мужчин. Но Даниель мгновенно оказался рядом, обнял, заглядывая в глаза. На лице застыло радостное недоумение: «Это правда ты?»

– Сумасшедшая Агатка! – громко сказал он.

Невольные свидетели нашей встречи сопроводили ее восторженными криками.

– Прекратить фиглярство! – гаркнул Аррил Вейр, и в командирской столовой повисла тишина. – Прошу пройти со мной, – приказал он.

Я вздрогнула, но Даниель сжал мою ладонь, и я тут же перестала бояться.

– Агатка, что случилось? – тихо спросил он, пока мы следовали за командиром крепости. – Твой папа мне голову оторвет. Ты должна быть сейчас дома, в теплой постельке. А не шастать по степи рядом с границей!

Он ничего не знал...

Я споткнулась, но тут же выровнялась, подхваченная твердой рукой. Вот только не хватало смелости поднять на Даниеля глаза.

– Ничего не случилось. Просто соскучилась...

Глава 18

Командир Вейр не повысил на меня голоса, он был очень сдержан, хотя и холоден. Но я не могла рассчитывать на иное, учитывая, что нарушила все мыслимые и немыслимые правила, пробравшись в крепость к жениху.

– Послезавтра командир Винтерс с отрядом доставит вас во Фловер...

Я стояла опустив голову, лишь раз мельком взглянула на лицо Даниеля – сильно ли я его подвела? – и увидела, что его губы подрагивают в улыбке, которую он тщательно пытается скрыть. Ему определенно понравилась эта шалость в моем исполнении. В голове словно прозвучал звонкий мальчишеский голос: «Агатка, ну ты даешь!»

– Завтра командир Винтерс заступает на дежурство, и я не собираюсь изменять намеченный план, – голос командира Вейра звучал сухо, но вежливо. – Придется вам немного поскучать в нашем обществе. Увы, удобств, к которым вы привыкли, я обещать не могу, но комнату предоставляю...

Он еще говорил что-то, а в моей голове заметались мысли, точно стайка испуганных черных птиц. Даниель не сможет оставить меня в крепости, да я на это и не рассчитывала... Но на что я надеялась? И когда я честно спросила себя об этом, пришел ответ. Я хотела все рассказать Даниелю, хотела, чтобы он защитил меня. Пусть к семье мне возвращаться

нельзя, но он может привезти меня в свой дом. Мы ведь все равно хотели пожениться, так зачем откладывать свадьбу?

«Но тогда семья Даниеля станет моей семьей», – мелькнула непрощенная мысль, но я ее прогнала, не додумав.

– Я могу понять порывы юности, – закончил командир крепости смягчившись. – Я и сам когда-то был молод. Но представьте, что сейчас чувствуют ваши родители. Они с ног сбились, разыскивая дочь.

И Аррил Вейр укоризненно покачал головой, совсем как мой отец. Я потупилась и ни слова не промолвила в ответ. Никто в крепости не знал о том, что случилось три дня назад. Командир видел взбалмошную влюбленную девчонку, которая сбежала из дома, не выдержав разлуки с женихом.

– Ступайте, – сказал он уже вполне миролюбиво. – Пропледи, чтобы Агата поела, а ей пока приготовят комнату наверху.

В столовой к нашему возвращению остались только сотники – молодые парни, ровесники Даниеля. Они знали, что я дочь генерала Даулета, и потому я была избавлена от ироничных взглядов и усмешек. А я, присмотревшись, узнала Кайла Мейро. Как-то он заявился в компании Даниеля, и мы даже были представлены друг другу.

– Кайла ты уже знаешь, – подтвердил мои догадки Даниель. – А этот хмурый и неразговорчивый тип – командир Ласс. Блейз Ласс.

Блейз, вопреки описанию, данному ему Даниелем, сверк-

нул улыбкой и склонился к моей руке. Таким же образом поприветствовал меня и Кайл. Никогда прежде мне не целовали руку. Еще неделю назад я была для них девочкой, а теперь обрела новый статус – статус невесты.

Для меня накрыли стол, где-то даже раздобыли салфетки. Появился и графин с водой, заменивший вазу. В него опустили чахлую, невзрачную, но самую настоящую розу. Я могла только гадать, откуда взялся цветок в военной крепости, отрезанной от Фловера степью.

Молодые командиры сели по обе стороны от меня, развлекая разговорами. Скабрзные шутки были забыты, сыновья аристократов вспомнили, к какому обществу принадлежат. Сначала я смущалась, но неловкость постепенно ушла. Я улыбалась шуткам и поддерживала беседу.

На ужин подали бифштекс и отварную картошку, но я так проголодалась, что простая еда показалась мне пищей богов.

– Агатка, ты, я смотрю, исправляешься! Уже не привередничаешь! – рассмеялся Даниель, который все это время наблюдал за мной, откинувшись на спинку стула.

Иногда в его взгляде мелькало прежнее удивление: «Неужели она правда здесь?»

Да я и сама не была уверена, что это не сон. Волшебный, сладкий сон, вовсе не тот кошмар, что преследовал меня в предыдущие дни. И пусть я находилась в двух шагах от самого страшного места Глора, но сейчас ни граница Тени, ни миражи не могли меня напугать.

В конце концов я отложила столовые приборы и подавила зевок.

– Идем, Агатка, – шепнул Даниель. – Иначе уснешь прямо на столе.

Я не стала возражать: глаза действительно слипались от усталости. Даниель подал мне руку, помогая встать. Командиры Мейро и Ласс поднялись следом, попрощавшись со мной легким поклоном, как прощались бы с замужней дамой. Я зарделась от смущения.

Наверх меня повел Даниель. В коридоре в настенных канделябрах горели свечи, освещая пространство мягким золотистым светом.

– Сюда.

Даниель толкнул неприметную дверь, пропуская меня вперед, а сам снял одну из свечей и зашел следом. Я осмотрелась: комната была невелика и снабжена только самым необходимым. Узкая кровать, стол, тумбочка – жилище военного. Ее подготовили к моему приходу: кровать заправлена, а на стуле меня дожидались кувшин с теплой водой и полотенце, перекинутое через спинку.

– Стой, я сейчас.

Даниель вручил мне свечу, а сам нырнул за дверь. Вернулся, правда, очень скоро, и сунул в руки рубашку.

– Тебе нужно в чем-то спать, – сказал он без стеснения, а у меня всколыхнулось все внутри.

Я буду спать в его рубашке, чувствовать запах, знать, что

ткань касалась его кожи. Свеча задрожала в руке. У Даниеля, кажется, возникли похожие мысли.

– В стирку ее потом не отдам, – беззаботно сказал он. – Буду обнимать, когда делается особенно одиноко.

Я снова задрожала, и горячий воск пролился на руку, обжигая кожу. Я негромко вскрикнула, а Даниель тут же схватил свечу, отчего пламя, мигнув, погасло. Из-за приоткрытой двери проникал приглушенный свет, но лица Даниеля я уже не могла разглядеть.

Он поднял мою ладонь ко рту, подул на обожженное место, потом прикоснулся губами. И так застыл на долгие несколько секунд. Все это время мое сердце колотилось, как набат, и мне чудилось, будто его грохот слышат даже на первом этаже.

Надо было рассказать обо всем. Прямо сейчас. Но мысли путались, в горле пересохло...

– Ну ты даешь, – снова сказал он. – Как же ты пробралась, ведь всюду дозоры?

Я только пожала плечами, опасаясь, что не смогу вымолвить ни слова.

– Ты вся трясешься. – Даниель огладил мои плечи, и даже сквозь ткань куртки я почувствовала, как покрываюсь мурашками. – Замерзла?

Он тихонько меня встряхнул, потому что я не отвечала, только дрожала и прятала глаза.

– Агатка...

– Я люблю тебя! – выпалила я.

Я поняла, что произнесла это вслух, лишь когда Даниель удивленно вскинул брови. Еще неделю назад я ни за что не решилась бы на такое признание. Полунамеки, улыбки, взгляды исподтишка – только так девушки в высшем обществе могли выражать свои чувства. Я должна была ждать. Ждать, пока он сам признается, пока попросит руки, сделает первый шаг. Но у меня не было времени. Да и к чему эти условности? Ведь это Даниель, мы знаем друг друга с детства, разве могут быть тайны между нами?

– Я люблю тебя, – повторила я твердо.

– Я тоже скучал, – ответил он, кажется, искренне, но я заметила растерянность в его голосе.

Правда, замешательство быстро прошло, Даниель улыбнулся, обнимая меня. Видно, решил, что я немного не в себе после долгой дороги.

Я приникла к его груди, прижавшись щекой к участку обнаженной кожи под расстегнутым воротом. Кожа была горячая, Даниель пах дымом курительных трав, и где-то под кожей мерно стучало сердце.

Я в безопасности. В любящих и заботливых руках. Даже ноги ослабели от облегчения.

– Поцелуй... меня...

Я прошептала это тихо-тихо, думала, он и не услышит. А если услышит, то снова беззлобно посмеется над сумасшедшей подружкой, которая совсем очумела от усталости. Но

Даниель не стал смеяться, только как-то неровно вздохнул, и его рука, лежавшая на талии, провела по моей спине, скользнула по шее, заставляя встать дыбом все волоски на теле, а потом он мягко приподнял мою голову за подбородок.

Дверь в коридор прикрылась из-за сквозняка, в комнате сделалось совсем темно. Я не видела выражения его лица, его глаз, а мне так хотелось навсегда запомнить этот миг...

Прежде, когда я воображала в мечтах свой первый поцелуй – а это случалось множество раз, – я представляла, как Даниель сначала коснется губами моих щек, век. Осторожно, стараясь не напугать. Потом поцелует краешек рта, и я приоткроюсь ему навстречу, привстану на цыпочки, чтобы стать еще ближе. Наш первый поцелуй будет нежным и мягким. Я однажды прочитала в книге, а потом все повторяла, лежа в постели, грезя о наших первых ласках: «Будто бабочка крылышками приоткроет бутон цветка...»

Даниель поцеловал меня сразу. Таким уверенным, смелым поцелуем, что я совсем опешила. Попыталась ответить, но попытка вышла довольно жалкая. Я была так неопытна, что моя роль свелась к тому, что я позволяла языку Даниеля исследовать мой рот. Не знаю, что я чувствовала. По большей части смятение. Наверное, так всегда бывает в первый раз.

– Ты совсем как галчонок, – добродушно сказал Даниель. – Так прилежно открываешь ротик.

Он задержал мое лицо в ладонях, потерся кончиком но-

са о мой нос. Как в детстве, когда мы были беззаботными и невинными, и мое смятенное сердце затопила нежность.

– Только ничего не говори отцу, – попросил он. – Я сам.

Отец!.. Я разом рухнула с небес на землю. Отец, мама, договор... Колдун!

Я должна была все рассказать. Но... Я снова малодушно промолчала, пообещав себе, что непременно во всем признаюсь завтра, как только соберусь с мыслями. И, вспомнив последние слова Даниеля, снова встрепенулась, но уже от радости. Даниель готов сделать мне предложение!

– Спокойной ночи, – прошептала я.

Даниель неохотно разжал объятия. Мне тоже было жаль прощаться, но я уже знала, что этой ночью буду спать спокойно. В рубашке Даниеля, чувствуя его запах, продолжая ощущать на губах его поцелуй.

Что и говорить, целуется он совсем по-взрослому... Меня озарила догадка.

– Ты уже целовал... других девушек?

Даниель сначала сконфузился, потом рассмеялся.

– Ах ты мой невинный галчонок. Мужчина должен быть более опытным в таких делах. К тому же они тебе не соперницы. Так... Они не претендовали на роль жен, поверь.

Он так легко об этом говорил. Я не знала, что и думать. Кровь сначала прилила к щекам, а потом отхлынула. Наверное, я побледнела. Я никогда даже предположить не могла, что Даниель, мой Даниель... Как он сказал? Сделался более

опытным в таких делах...

Даниель не стал дожидаться моих вопросов. Быстро наклонился к руке, коснулся губами запястья и выскользнул за дверь.

Глава 19

Утром меня разбудили выкрики команд и лязг оружия. Звуки проникали даже сквозь закрытые ставни. На цыпочках ступая по холодному полу, я подошла к окну, открыла створки и, опершись о подоконник, посмотрела вниз.

Рекруты отрабатывали мечевой бой под руководством Кайла – именно его громкий голос я слышала. Несколько десятков молодых парней довольно бестолково переступали в грязи, беспорядочно размахивая оружием. По всему было видно, что в крепости они оказались недавно.

Я зевнула и потянулась. Хотя я знала, что Черный Яр находится совсем неподалеку от Разлома, серые каменные стены, окружающие крепость, создавали впечатление безопасности. Напевая, я переделалась в костюм, а рубашку сначала прижала к щеке и лишь потом убрала под подушку.

В коридорах было пусто, в столовой тоже, однако на столе меня ждали завтрак и записка от Даниеля:

«До полудня буду занят, но постараюсь вырваться на обед». Внизу он пририсовал шаловливого голубка, несущего в клюве цветок. Я рассмеялась и поцеловала лист бумаги, на котором было оставлено послание.

Я уже заканчивала трапезу, когда командир Вейр спустился из кабинета, чтобы поприветствовать меня.

– Боюсь, тебе придется сегодня самой себя занимать, –

добродушно сказал он, окончательно сменив гнев на милость. – Но можешь воспользоваться моей небольшой библиотекой.

– С радостью!

Книги, чашечка горячего отвара, записка от Даниеля с забавным рисунком – что еще надо для счастья!

В кабинете командира крепости в основном хранились труды по военному делу, но случайно затесались и пара томиков поэзии, и даже «Приключения юного аристократа» – книга, так любимая мною в детстве. Я уединилась с ней на диване, и время до обеда пролетело незаметно. Рекруты уже принялись накрывать на стол, когда я услышала в коридоре веселые голоса, и сердце мое сначала пропустило удар, а потом помчалось галопом.

– Сколько миражей сегодня убил? – весело интересовался Кайл.

– Трех или четырех. Не запомнил, – ответил Даниель, явно рисуясь, наверное, он знал, что я подслушаю разговор.

«Мальчишки!» – мысленно фыркнула я.

Даниель вошел в столовую. Не знаю, сколько он на самом деле убил миражей, патрулируя территорию, но выглядел уставшим. Одежда пропиталась пылью, светлые волосы слиплись от пота, на лице темные разводы. Увидев меня, Даниель отсалютовал мечом, лишь после этого убрал его в ножны.

Меч сверкнул синим отсветом, и на секунду я забыла, как

дышать. Колдун. Это его работа. Однажды он держал руку над этим мечом, заряжая его магией... Ну почему стоит только на секунду забыть об этом страшном человеке, как напоминания о нем лезут из всех углов!

Даниель принял мою мрачную гримаску на свой счет. Похлопал по брюкам, выбивая пыль, посмотрел, как она, кружась, оседает на пол.

– М-да... Пойду приведу себя в порядок.

Уверена, в любой другой день он уселся бы за стол в том самом виде, в каком явился в крепость. Именно так поступили Блейз и Кайл. Даниель же вернулся спустя четверть часа в чистой светлой рубашке с расстегнутым воротом, волосы он вымыл и пригладил.

Трапезничали мы тесной компанией: командир крепости попросил принести обед к нему наверх. Мы вчетвером смеялись и болтали так, будто находились на светском приеме, а вовсе не в военной крепости за несколько десятков километров от Фловера.

В какой-то момент, когда Блейз был увлечен нарезанием отбивной, а Кайл отошел к камину подбросить дров, Даниель коснулся ладонью моего колена. И это вовсе не было случайностью – он ощутимо сжал его и погладил. А выражение лица его при этом было совершенно невинным. Оно и понятно, ведь никто из парней не должен был догадаться, что происходит, а меня бросило в краску, и руки так задрожали, что я вынуждена была положить столовые приборы, потому что

вилка принялась отбивать дробь по фарфоровой тарелке.

– Не скучай тут без меня, – сказал Даниель.

Мой взгляд говорил красноречивее слов: «Буду скучать».

Под конец обеда доставили почту. Из Фловера она добиралась обычно два-три дня. Сначала в гарнизон, а уже после ее отвозили в крепость. Гонец вручил Даниелю письмо, и он чуть нахмурился, разглядывая обратный адрес.

– Что это ему вздумалось мне писать... – пробормотал он.

Я не видела адресата, но, кажется, узнала почерк отца Даниеля с вычурными завитками. У отца с сыном были не самые теплые отношения, видно, поэтому Даниель удивился, получив послание из дома.

– Что там? – не удержалась я.

– Потом прочитаю.

Даниель опустил конверт в карман брюк и поднялся. Через некоторое время он заглянул в столовую, уже переодетый в форму, кивнул на прощание. Лицо его было каким-то застывшим, а выражение глаз, когда он посмотрел на меня, сделалось странным. Так смотрят... Так смотрят прощаясь. На мгновение мне стало страшно.

– Даниель!

– Да? – Он вернулся и остановился на пороге.

– Будь осторожнее, пожалуйста.

Губы Даниеля дернулись в полуулыбке.

– Что ты, галчонок, я всегда осторожен.

Не знаю почему, но после нашего неловкого прощания в

душе ненадолго поселилась тревога. Однако я успокоила себя тем, что мои нервы расшатаны после всего, что пришлось пережить в последние дни, вот и вижу опасность на ровном месте.

Я ждала его допоздна, но Даниель задерживался. Уже и ужин закончился, но компания Кайла и Блейза меня больше не радовала.

– Ты переживаешь за этого ухаря? – догадался Кайл. – Уж поверь, скорее миражи на границе закончатся, чем с ним что-то случится. Видно, далеко забрались с отрядом. Не волнуйся, к утру он точно будет на месте, чтобы отвезти тебя домой.

Я выдавила улыбку и пробормотала слова благодарности. Дочитывать книгу я поднялась в свою комнату. Зажгла свечи, одну поставила на подоконник. Не знаю, что я хотела этим сказать. Просто подумала, что Даниель, подъезжая к крепости, будет рад увидеть свет в моем окне. Будто это знак, что я его люблю и жду.

Вечером переоделась в рубашку, стыдливо стянула панталончики, решив, что их не помешает простирнуть. Хотя прежде я ничего не стирала на руках, с такой малостью справилась. Повесила их в неприметном месте, надеясь, что утром не придется натягивать на себя влажное белье.

Устроившись в постели, я немного погрустила о том, что Даниель не смог пожелать мне спокойной ночи, но успокоила себя тем, что завтра нам предстоит долгая дорога в город, и

за эти часы мы успеем обговорить нашу будущую жизнь.

В книге оставалось несколько последних страниц, поэтому я решила закончить с ними, прежде чем усну, и сама не заметила, как погрузилась в дрему, даже не погасив свечей.

Разбудил меня стук в дверь. Наверное, я спала недолго, потому что, хоть некоторые свечи оплавилась, превратившись в сталагмиты из воска, кое-где еще тлели огоньки, неярко освещающая комнату.

– Кто там? – хрипло спросила я.

– Это я.

Даниель? Так поздно?

– Входи.

Я пригласила его в комнату, прежде чем сообразила, в каком неподобающем виде нахожусь. В постели, в рубашке, да еще и без панталончиков. Я быстро приподняла подушку, села, а одеяло по бокам заправила под себя.

Даниель уже привел себя в порядок, переоделся в знакомую рубашку, на глаза свесилась мокрая челка, и капельки воды блестели на лбу.

– Ты не возражаешь? – спросил он, демонстрируя курительную трубочку, зажатую между пальцев.

Вопрос меня удивил. Папа никогда не вдыхал запаха ароматных трав, находясь с нами в одной комнате.

Не принято было это делать при дамах. Но в крепости царили простые нравы, мужчины успели позабыть о манерах, навязанных обществом, и к тому же Даниелю после трудно-

го дня наверняка хотелось расслабиться. Пусть. Главное, что он рядом.

Я покачала головой: «Не возражаю».

Даниель прикурил от огонька свечи, присел на край постели, вытянул ноги и долгое время молчал, стряхивая пепел в блюдце, на котором тлел огарок. Красный огонек курительной трубочки казался глазом какого-то невиданного зверя, который медленно перемещался то вверх, то вниз: Даниель курил не торопясь, надолго задерживая дым. В воздухе запахло пряностями и горечью.

Интересно, о чем он думал, пока тлела завернутая в тонкую бумагу травяная смесь? Он смотрел на меня не улыбаясь, но очень внимательно. Так, будто впервые увидел и я была незнакомкой, а не Агатой, которую он знает всю свою жизнь.

Конечно, это мне мерещилось. Даниель устал, вымотался, и, вероятно, в голове его не было ни единой мысли, когда он скользил по мне бездумным взглядом.

– А ведь я помню тебя в люльке, – сказал он и наконец улыбнулся. – Твой папа с гордостью демонстрировал орущий сверток, а я думал: какая ты страшенькая!

– Что?! – делано разозлилась я и подпихнула его ногой через одеяло. – А ну повтори!

На самом деле я не верила, что Даниель, в ту пору двухлетний мальчишка, мог запомнить этот момент. Скорее всего, он решил затеять нашу любимую игру «Разозли Агатку»

и получи подзатыльник». Я обрадовалась, что он снова превратился в прежнего без – заботного Даниеля.

Он шуточно отпрянул от моего тычка, затушил окурок о блюде.

– Но потом из маленькой колючки ты внезапно превратилась в очаровательную девушку, – заметил он уже серьезно.

Я разулыбалась – много ли внимания нужно влюбленной девушке, чтобы почувствовать счастье, – и замерла. Такие слова казались прелюдией к чему-то важному. После обычно следует признание: «Стань моей женой, Агата. Я люблю тебя и всегда любил».

Я ждала, а Даниель молчал. Смотрел. И будто бы снова видел не меня, а кого-то другого.

А потом что-то словно неуловимо изменилось. Его напряженные плечи расслабились, лицо разгладилось, точно он принял какое-то решение.

Глава 20

– Скучала без меня? – весело спросил он.

– Нет, не очень, – в тон ему ответила я.

«Скучала, ужасно скучала, ты же знаешь!»

– Я провела вечер в компании юного аристократа.

Я гордо продемонстрировала книгу, которая укатилась под бок и уже давно натирала кожу острым углом.

– Ах, этого аристократа! – воскликнул Даниель. – В таком случае я вызываю его на мужской разговор!

Он отобрал у меня книгу, а я, хохоча, принялась с ним бороться, пытаюсь ее вернуть. Одеяло сбилось, оголив ноги, но в пылу сражения я совсем забыла о том, что мне уже не десять лет и что Даниель не должен видеть мои обнаженные икры до свадьбы. Я ляглась и смеялась, вспомнив, как в детстве в похожем сражении наставила Даниелю синяков.

Я смеялась до тех пор, пока Даниель не сжал одной ладонью мою ступню, останавливая ее на полете, а другой – икру. Мои ноги были полностью в его власти. А я оказалась беспомощной, лежащей перед ним на спине. Да еще вспомнила, что панталончики сейчас сушатся у окна, и кровь бросилась к лицу. От взгляда Даниеля меня скрывал край одеяла, но стоит ему подняться чуть выше, мой конфуз станет очевиден.

Я замерла, тяжело дыша под его пристальным взглядом.

Но вот Даниель пощекотал мою пятку, и я фыркнула.

– Какая сладкая ножка.

Даниель наклонился и куснул меня за большой палец на ноге. Я вздрогнула и вскрикнула. Не от боли.

От необычности происходящего. Во всех наших играх и сейчас, и прежде мы не заходили так далеко.

– Пусти... – прошептала я, придавливая одеяло к бедрам.

– Не бойся, галчонок. Чего ты боишься? Это же я.

Это был Даниель. Мой Даниель. И все же раньше он не смотрел на меня так... Так... Я не могла подобрать слов.

Даниель медленно-медленно убрал мои руки с одеяла, освобождая его. Мое горячее бедро было в паре сантиметров от его пальцев. Свечи в комнате почти все погасли, продолжала светить только та, что стояла на окне, ведь я специально выбрала самую большую.

Я быстро дышала, в груди сделалось горячо, и я никак не могла остудить этот жар. Я слышала, что и дыхание Даниеля сбивается, а еще он иногда сглатывает, будто что-то мешает в горле.

Я знала, чего он хочет. Я была невинной, но все-таки не дурой.

– Не могу, не могу... – пробормотала я. – Нельзя ведь... Нельзя...

– Почему же нельзя?

И голос у Даниеля был какой-то новый, лукавый.

– Ну, ну, ну... – сказал он уже тише. – Ведь ты меня лю-

бишь...

– Люблю...

Это было чистой правдой. И в принципе, какая разница, когда это произойдет – сейчас или позже, когда мы произнесем необходимые клятвы? Ничего уже не изменится, я стану ему настоящей женой.

Он потянул одеяло, будто спрашивая разрешения, и я позволила ткани скользнуть по ногам, обнажая их до самых бедер. Мы оба приглушенно ахнули.

– Тихо, тихо...

Даниель положил обе руки мне на бедра и потихоньку заскользил по коже, которая вмиг покрылась пупырышками.

– А где твои панталончики, хитруля? – улыбнулся он. – Знала, что я приду?

Я замотала головой, готовая начать оправдываться, но Даниель запечатал мой рот поцелуем еще более страстным, чем вчера. Одна его рука легла на мой обнаженный живот и обжигала, точно была горящим углем. И этот второй поцелуй вышел у меня неловким, но Даниель только рассмеялся и снова сказал, что я открываю рот, будто птенец.

После того как одеяло больше не укрывало меня, он вдруг сделался гораздо смелее и будто старше. Он точно знал, что делать, в отличие от меня. И хотя он часто дышал, охваченный желанием, не терялся и все дальнейшее взял на себя.

Хотел приподнять мою рубашку еще выше, но я вцепилась в подол и закусила губу.

– Ладно, – согласился он. – Это после.

Зато свою рубашку стянул через голову, обнажая крепкий торс. Меня наполнила нежность, когда я посмотрела на его белые плечи. Почему-то снова вспомнила маленького Даниеля в брызгах воды – летом нас иногда вывозили на озеро, где мы резвились на мелководье.

– Приподнимись-ка.

Я не поняла зачем, но послушалась. Он подsunул рубашку под мои бедра.

– Потом выкину. Не менять же белье.

Я опять задохнулась, испугалась, а Даниель с каждой секундой становился все увереннее.

– Надо тебя немного подготовить. Не пугайся.

Не пугайся? Я охнула, выгнулась дугой, когда пальцы Даниеля тронули тайное, стыдное. Неосознанно я попыталась отстраниться, но он удержал мои колени, надавил, раздвигая.

– Ты ведь хочешь, чтобы все прошло хорошо? Будешь послушной девочкой?

Не знаю, что я должна была чувствовать по мнению Даниеля, но я ощущала только стыд, и самую капельку было больно. Не знаю, как так получилось и почему я начала плакать, но Даниель глянул даже сердито.

– Плакса...

Но потом нежно погладил по щеке.

– Ну что ты, что... Разве ты этого не хочешь?

Я не знала ответа. Разве этого вообще можно хотеть? Этого вообще кто-нибудь хочет? Но я любила Даниеля, мечтала прожить с ним жизнь, и если для этого требуется немного потерпеть, что же, от этого еще никто не умирал...

Я судорожно кивнула несколько раз. Щеки мои горели, сердце стучало.

Поцелуй, страстный, обжигающий, меня уже не удивил. Я даже, кажется, приспособилась и делала робкие попытки ответить. Даниель целовал меня довольно долго, так что голова начала кружиться. Я не заметила, как рубашка оказалась задрана и как сам он уже освободился от одежды.

Он взял меня за бедра, притягивая к себе. И было в этом жесте что-то животное, что-то собственническое, древнее и опасное. Я вздрогнула, стремясь сжать колени, но он не позволил.

– Тихо, тихо, тихо...

– Ой, как больно...

– Ну потерпи, что же поделать, – сказал он строго, а мне так хотелось, чтобы он прошептал нежное, чтобы утешил.

Нелегко мне дались эти первые минуты. Я стонала и всхлипывала, пока Даниель уверенно продолжал присваивать меня себе.

– Я люблю тебя, – прошептала я сквозь слезы, и сразу стало как-то легче, поэтому я принялась повторять, как заклинание: – Я люблю тебя. Я люблю тебя...

– Да, да, да... – отвечал Даниель. – Тихо, тихо, галчонок.

Все продолжалось, к счастью, не очень долго. Тяжело дыша, Даниель навалился на меня, сжал в объятиях, застонал. Но не так, как стонала я. Ему было хорошо, и я порадовалась, что доставила ему удовольствие.

Минуту или больше мы лежали, переплетя ноги и руки. Я чувствовала горячее дыхание Даниеля на своей шее. Его кожа покрылась капельками пота, и сбившаяся, измявшаяся рубашка пропиталась этим потом.

– Вот умница, – сказал он, целуя меня в щеку, но поцелуй вышел быстрым, как будто случайным. – Все девчонки одинаковые. Пищат, плачут, а потом довольные.

Когда все закончилось, меня начала колотить дрожь, и я теснее прижалась к Даниелю, чтобы чувствовать его тепло. Он лежал сонный, расслабленный и лениво накручивал на палец прядь моих волос.

– Давай спать, – предложил он.

А потом, опомнившись, вытащил свою рубашку и, зевая, кинул на пол. На белой ткани темнели пятна. Только сейчас я до конца осознала, что Даниель сделал меня женщиной.

Кажется, я вздрогнула, и Даниель погладил меня по руке, которой, оказывается, я все это время судорожно сжимала уголок подушки, цеплялась за нее, будто за спасательный круг.

– Сейчас уже не больно? – спросил он, и голос стал прежним, голосом моего Даниеля.

И глаза, когда он посмотрел на меня, сделались какими-то

растерянными, виноватыми.

– Нет-нет, – помотала я головой, не желая его огорчать, даже попыталась улыбнуться. – Все было отлично... Честно... Я только боюсь немного... Что, если у нас после этой ночи появится ребенок?

Даниель рассмеялся с видимым облегчением.

– По этому поводу даже можешь не волноваться. Я принимаю настойку бестолника, так что незапланированные дети мне точно не грозят.

– Хорошо... – прошептала я.

Правда ведь хорошо, да?

На узкой кровати нам двоим было тесно, но я была рада, что можно вплотную прижаться к Даниелю, чувствовать, как вздымается от дыхания его грудь, ощущать его ладонь на своем бедре. Даниель пристроил ее на моей обнаженной коже без всякого смущения, так, словно делал это всю жизнь. Он уснул быстро, а я все смотрела и смотрела в темноту.

Глава 21

Первое, что я почувствовала утром, едва открыла глаза, как рука Даниеля расстегивает пуговицы на рубашке. Я робко попыталась оттолкнуть его ладонь, но он, смеясь, придавил меня к подушке и принялся шутя покусывать мои губы.

– Немного поздно строить из себя недотрогу, галчонок, – сказал он чуть погодя. – Дай хоть насмотрюсь на тебя.

Я смирилась, понимая, что жене от мужа скрывать нечего, вот только от смущения затараторила:

– А где мы будем жить? У моих нельзя. Можно у твоих, конечно. Но было бы лучше, если бы у нас был свой дом. Хотя бы совсем маленький. Пять-шесть комнат, больше и не нужно... Дани... Ай...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.